

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

*Ветреное сердце
femme fatale*

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Ветреное сердце Femme Fatale

«Автор»

Вербинина В.

Ветреное сердце *Femme Fatale* / В. Вербинина — «Автор»,
— (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-31139-2

Неожиданно получив наследство от дальнего родственника, с которым она ни разу не встречалась, несравненная баронесса Амалия Корф сразу почувствовала: в даре судьи Нарышкина таится подвох... Разбирая бумаги судьи, Амалия наткнулась на упоминание о загадочном убийстве, так и оставшемся нераскрытым. Как будто забыв, что не стоит ворошить прошлое, баронесса взялась за расследование той давней истории. И случилось новое преступление – убили жену Нарышкина, явившуюся оспорить завещание! Какие еще тайны скрывает доставшаяся Амалии усадьба с поэтичным названием Синяя Долина?

ISBN 978-5-699-31139-2

© Вербинина В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
1	12
2	14
3	17
4	20
5	22
6	27
7	30
Глава 2	32
1	32
2	35
3	38
4	42
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерия Вербинина

Ветреное сердце Femme Fatale

Пролог

– Никаких убийств, – сказала Амалия.

– Абсолютно, – подтвердила Аделаида Станиславовна.

– Никаких преступлений...

– Даже и не думай! – вскинулась ее собеседница.

– Я же там умру со скуки! – возмутилась Амалия.

– Не понимаю, чего тебе надо, – возразила ее мать. – Красивейший край, плодородная земля, вполне приличные соседи... Поверенный пишет, что при надлежащем уходе имение вполне может приносить несколько тысяч в год.

– Так я ему и поверила, – сварливо отозвалась Амалия, которая, очевидно, находилась в прескверном расположении духа. – Наверняка поместье уже заложено и перезаложено, и все долги теперь окажутся на мне. И едва я приеду, как ко мне сразу же явятся господа из земельного банка с требованием платить проценты.

Этот странный разговор происходил прекрасным майским днем 188... года. Сидя в саду у осыпанной белыми цветами вишни, дамы пили чай, а покачивающиеся на ветру ветви отбрасывали на их лица подвижную тень. На Амалии было бледно-розовое платье, которое замечательно шло к ее белокурым волосам и светлой коже. Аделаида Станиславовна, как всегда, была одета в роскошный туалет темных тонов, затканый золотом, и, как всегда, производила впечатление путешествующей королевы, которую застигла буря и заставила сойти с тонущего корабля на утлую шлюпку. Само собой, ни корабля, ни шлюпки поблизости не было, но суть впечатления тем не менее не менялась.

– По-моему, ты преувеличиваешь, – промолвила старая дама снисходительным тоном, глядя на дочь сквозь лорнет. – По крайней мере, в своем письме поверенный ни разу не упомянул ни о каких долгах.

– А иначе во всем этом нет никакого смысла, – возразила Амалия. – К чему вообще завещать свое имущество человеку, которого ты никогда в жизни не видел? Вы, мама, хоть что-нибудь помните о пресловутом Савве Аркадьевиче?

Аделаида Станиславовна наморщила лоб и задумалась.

– Он однажды прислал нам поздравление, – наконец объявила она. – С чем, я не помню, но он точно нам писал!

Амалия покачала головой.

– Только поздравление? А не просил о протекции, к примеру? Не навязывался в гости, не выражал желание погостить у нас в столице, не настаивал на том, чтобы быть представленным моему мужу? Нет?

...Когда в 1881 году Амалия вышла замуж за барона Корфа, блестящего молодого офицера, служившего при дворе, она с некоторым изумлением обнаружила, как много у нее родственников, а у ее покойного отца – друзей и знакомых. Прежде она была всего лишь красивой девушкой из обедневшей дворянской семьи, у которой из близких оставались лишь мать и дядюшка Казимир, родной брат последней; но едва Амалия сделалась баронессой и получила право являться при дворе, как ее со всех сторон стали осаждать четвероюродные братья, троюродные тетки, внучатые племянники двоюродных бабушек и кузены уже совсем каких-то непонятных дедушек. Все это многолюдье улыбалось, льстило, рассыпалось мелким бесом, ссылалось на родство, лгало, предлагало дружбу, молило о протекции, вновь льстило без конца

и клялось в вечном расположении. И, хотя Амалия видела людей насквозь и, в общем, ничего от них не ждала, ее все же поражало, как быстро номинальные родичи, напрочь забывшие о ее существовании, когда она в них нуждалась, сразу же вспомнили о нем, едва она сделалась баронессой.

Впрочем, если они рассчитывали извлечь выгоду из ее нового положения, то жестоко ошиблись. Амалия принадлежала к тем людям, которые никогда ничего не забывают, и не давала обмануть себя словами, какими бы красивыми они ни были. Она более или менее вежливо отказала от дома всем неожиданным претендентам на родство, после чего ее хором стали обвинять в том, что она зазналась, не признает родственных уз и вообще ведет себя точь-в-точь как ее маменька, полячка Аделаида, гордячка и ломака. Можно себе представить, как радовались все эти мелочные злопыхатели, когда узнали о разводе Амалии с мужем. Теперь-то, ликовали они, эта высокомерная особа вернется в прежнее ничтожество; теперь-то она точно пожалеет, что отвергла нашу – пусть даже весьма небескорыстную – дружбу.

Однако Амалия в который раз обманула их ожидания. Она по-прежнему жила в великолепном особняке на Английской набережной, решительно ни в чем себя не стесняла и без малейшего смущения бывала при дворе, хоть и не чаще, чем того требовала ее работа в особой службе, о которой очень мало кто был осведомлен. Впрочем, во времена нашего рассказа Амалия уже не состояла в службе, довольствуясь положением частного лица. У нее были слабые легкие, и всего несколько недель назад она приехала из очередного санатория, где провела осень и зиму. А сегодня утром...

– Нет, – решительно объявила Аделаида Станиславовна в ответ на вопрос Амалии, – он никогда ни о чем не просил.

Молодая женщина тихо вздохнула и отставила чашку. Желтая бабочка кружила над травой, и Амалия проводила ее полет взглядом.

– Кто он вообще такой, этот Савва Аркадьевич Нарышкин? – устало спросила она.

– Дальний родственник твоего отца, – с готовностью отвечала Аделаида Станиславовна. – Насколько я поняла, он был в своем уезде мировым судьей.

Амалия скептически покосилась на нее.

– И судья завещал мне свое имение? Ни разу в жизни меня не видя, не пытаясь даже встретиться со мной? Только потому, что я его родственница?

– Дорогая, я тебя не понимаю, – молвила Аделаида Станиславовна обескураженно и даже лорнет опустила. – Что тут такого, в самом деле? Человек умер, перед смертью составил завещание в твою пользу, по всей форме... – Она указала глазами на лежащее на столе письмо, которое пришло сегодня с утренней почтой. – Движимое и недвижимое имущество, пруды, мельница, земельные угодья... Может быть, ты и права, и что-то в самом деле уже заложено банку, но ведь надо сначала выяснить, а потом уж говорить. В конце концов, ты всегда можешь отказаться от наследства, – добавила Аделаида Станиславовна, видя, что дочь колеблется. – И потом, если Савва Аркадьевич Нарышкин пожелал, чтобы ты стала его наследницей, значит, у него для того были свои причины.

Амалия нахмурилась. Причины, как она полагала, были самые прозаические: имение опутано долгами, угодья не представляют особой ценности, стало быть, наследнице не достанется ничего, кроме хлопот и долгой тяжбы с земельным банком, который уж всяко своего не упустит.

К тому же молодая женщина по складу своего характера была человеком городским. Пусть другие сколько угодно радуются тому, что им удалось вырастить на своих десятинах, и хвастаются друг перед другом новыми сортами картофеля или ржи, Амалии все это было безмерно скучно. Даже дачный отдых она не жаловала, потому что при одном слове «дача» ей представлялись тучи комаров, отсутствие привычных удобств и назойливые соседи, бесцеремонно навязывающие вам свое общество на том лишь основании, что вы с ними оказались в

одной местности. Так что мысль о том, что ей надо ехать куда-то далеко в провинцию принимать неожиданное наследство, не вызвала у Амалии ничего, кроме глухого протеста.

– Кроме того, – добавила Аделаида Станиславовна, – поверенный же написал, что у судьи не было детей, а его жена давно умерла. Так что он был в своем праве.

В том, что судья был в своем праве делать с собственным имуществом все что угодно, Амалия не сомневалась, но ее возмущало, что в качестве наследницы он выбрал именно ее. Как возмущала и несвоевременность неожиданного подарка судьбы. Ах, как она была бы счастлива, если бы это наследство объявилось несколько лет назад, когда ее отец был еще жив и его можно было спасти! Или еще раньше, когда их семья была разорена бесконечными судами и исками. Им бы очень помогли тогда деньги. А теперь... На что они ей теперь? Она живет в столице, и все ее соседи-аристократы один знатнее другого, когда в гостиной у нее висит на стене подлинный Тициан, которого она привезла из одной из своих служебных поездок, когда она может приказать возвести зимой возле дома настоящий ледяной дворец, чтобы побаловать своего сына Мишу... На что ей чужое имение, наверняка запущенное, с расстроеным хозяйством, расположенное где-то за тридевять земель?

– Глупо, – вырвалось у Амалии, – просто глупо! Как оно называется вообще?

Аделаида Станиславовна взяла письмо со стола и кокетливым жестом поднесла к слабым глазам лорнет. И, хотя в то мгновение она ничуть не красовалась, со стороны движение ее выглядело именно как нечто искусственное, как привычная уловка некогда блистательной красавицы, которая в молодости вскружила не одну горячую голову.

– Синяя долина, – прочитала она вслух. – Да, именно так.

– Синяя долина? – удивилась Амалия. – А почему именно синяя?

Ее мать только пожала плечами. В самом деле, откуда она могла знать?

– И как туда добираться? – спросила молодая женщина.

– Тут все подробно объяснено, – отозвалась Аделаида Станиславовна. – По железной дороге, а затем в экипаже до самой Синей долины. – Она поглядела на дочь поверх лорнета. – Я полагаю, можно будет дать телеграмму, что ты едешь, и тебя встретят на станции.

Амалия поморщилась и отвернулась. Она все еще не желала никуда ехать и в глубине души бунтовала против необходимости поездки.

– Наверняка все это будет зря, – проговорила она в сердцах.

– Может быть, – не стала спорить Аделаида Станиславовна. – Но ты подумай: вдруг имение приличное и ты сможешь потом передать его Саше?

Саша считался приемным сыном Амалии и носил ее девичью фамилию – Тамарин. Откуда он взялся, никто толком не знал, а те, кто знал, предпочитали держать язык за зубами.

Амалия сердито взглянула на мать, но Аделаида Станиславовна ответила ей совершенно безмятежным взглядом.

– Саша и так никогда ни в чем не будет нуждаться, – резче, чем ей хотелось, проговорила Амалия. И тут ей в голову пришла неожиданная мысль. – Послушайте, мама, а что, если нам послать туда Казимира?

Почтенная Аделаида Станиславовна так удивилась, что чуть не выронила лорнет.

– Как, Амели, Казимира?

– Да. А что такого? Он приедет туда, все разузнает и отпишет нам, а мы уже потом решим, что нам делать.

Но Аделаида Станиславовна, похоже, была вовсе не в восторге от идеи дочери.

– Нет-нет, дорогая, только не это! Казимир не может никуда ехать. Ну, ты сама подумай: имение и бедный Казимир... Боже! Он же проиграет его в карты еще прежде, чем доберется до него! Прямо в поезде проиграет случайным попутчиком! А если все-таки случится чудо и Казимир доберется до Синей долины, он же... он же прямо там ее и проиграет. Да! И мы останемся ни с чем!

Амалия невольно улыбнулась. По правде говоря, причина, по которой она так стойко отбивалась в свое время от неожиданно нагрянувших родственников, заключалась вовсе не в ее злопамятности и жестокосердии, как некоторые могли подумать, а как раз в дядюшке Казими́ре. Это был необыкновенно изворотливый маленький человечек, картежник, плут, бонвиван и, что называется, не дурак выпить. Всю свою жизнь он безотлучно провел при старшей сестре, матери Амалии, и, когда дела самой Амалии значительно улучшились – отчасти благодаря браку, отчасти благодаря пребыванию в особой службе, – ей пришлось, как до того Аделаиде Станиславовне, мириться с присутствием Казими́ра и выплачивать ему содержание, чтобы он мог по-прежнему баловаться карточной игрой, пить дорогое шампанское и заводить романы с хорошенькими женщинами. Всякий раз, когда очередной непрошенный родственник являлся к Амалии, она представляла себе, что отныне ей придется терпеть не одного Казими́ра, а двух, и при мысли об этом ее голос становился таким ледяным, а манеры – такими неприятными, что гость, не успев пробормотать свою просьбу о теплом местечке для себя или для сына, уже пятился к дверям.

Не то чтобы Казими́р был каким-то подлецом или законченным мерзавцем – Амалия успела достаточно повидать жизнь, чтобы понять: бывают люди и куда хуже него; но он был невыносимо, чудовищно эгоистичен и даже знать не желал о том, что помимо его желаний в мире существуют и другие, с которыми надо считаться. Больше всего на свете он боялся двух вещей – смерти в богадельне и женитьбы. Причем женитьбу, пожалуй, можно поставить на первое место. Казими́р прекрасно понимал, что никто не станет так носиться с ним, как сестра, потакавшая его слабостям и заставлявшая дочь с ними считаться, и до ужаса боялся, что однажды, в один далеко не прекрасный день, его свободе придет конец. Кажется, этот страх поселился в нем с тех пор, когда он встретил старого приятеля Болека, заводилу Болека, с которым они славно проказили во время учебы у иезуитов; и Казими́р не мог забыть то жуткое чувство, когда лет через семь после окончания школы он вновь увидел своего друга, женатого, плешивого, с синяками под глазами, совершенно облетевшего, как дерево осенью. Боже! Неужели перед ним был тот самый Боек, с которым они лазили к черноглазой Ирине за пирожками и поцелуями? Какой же он сделался старым, несчастным, и как им помыкала его измученная, постаревшая от многочисленных родов жена, и какой у него затравленный вид, и как униженно он говорил о том, где бы ему перехватить денег до рождения очередного ребенка... Казими́р никогда никому не рассказывал, но именно после встречи с Болеком он определенно понял, что семейная жизнь – не для него. Он так боялся попасться, так боялся оказаться в положении, когда честный человек просто обязан жениться, что даже романы заводил исключительно с замужними, положительными дамами. И то – не далее как несколько дней тому назад Казими́р едва не обжегся, и Амалия, вспомнив об этом случае, невольно улыбнулась.

– Что? – спросила Аделаида Станиславовна, зорко наблюдавшая за ней.

– Так, – беспечно отмахнулась Амалия. – А где дядя сейчас?

– У себя, – вздохнула ее мать. – Второй день почти не ест, бедный. И даже на карты не смотрит, – заговорщицким шепотом прибавила она.

...Причина того, что Казими́р даже перестал смотреть на карты, заключалась в миниатюрной хорошенькой даме, которая явилась как-то в особняк Амалии после обеда. Едва старый Яков доложил о прибытии гостыи, как Казими́р побелел, покраснел, заметался, выскочил за дверь, впопыхах стукнувшись о створку, и крикнул племяннице на прощание:

– Меня нет! И не будет! Я для нее умер!

Однако через секунду он вновь просунул голову в дверь.

– Умоляю тебя, племянница, – застонал он, – сделай что-нибудь, чтобы она исчезла! Я так с ума сойду!

Амалия сделала Якову знак подождать.

– В чем дело, дядюшка? – довольно сухо спросила она.

– Вот то-то и оно! – просипел Казимир, теряя голову. – У нее муж умер... от грудной жабы¹... третьего дня. И она вбила себе в голову, что я должен на ней жениться!

– А не должен? – осведомилась Амалия безразличным тоном.

– Я? – отшатнулся Казимир. – Но это же... это... Нет, лучше петля! Сразу! Покончить счеты с жизнью... Или камень на шею – и в воду, да! – И он энергичным жестом показал, как именно станет привязывать себе на шею камень.

– А может быть, вы зря переживаете? – добила его Амалия. – Женитесь, остепенитесь, заведете детей... Не так уж и плохо, знаете ли!

– Ну да, конечно! – возмутился Казимир. – То-то ты сама развелась, племянница...

Помимо всего прочего у Казимира был неприятнейший талант попадать точно в больное место. Заметив, что Амалия слегка переменялась в лице, что могло служить у нее признаком сильнейшего гнева, он, впрочем, сразу же пошел на попятный.

– Я ничего такого не имел в виду, – жалобно пропыхтел дядюшка, кося глазом на противоположную дверь, куда вот-вот должна была войти та, которая покушалась нарушить его покой и насильственным образом, вопреки всем законам и уложениям Российской империи, отволочь его к алтарю. – Но семья... и я... О, я не переживу этого! – со стоном закончил он, хватаясь за голову.

Амалия сердито поглядела на него и сделала ему знак исчезнуть. Казимир с невероятной для его комплекции скоростью взлетел по лестнице и хотел было укрыться у себя в спальне, но тут ему в голову пришло, что Амели все-таки не сестрица Адочка и что с безжалостной племянницей вполне станется выдать его врагу. Поэтому он на цыпочках спустился по лестнице обратно и с замиранием сердца припал ухом к двери, за которой глухо беседовали два женских голоса.

– Мы столько времени были вместе! – стонал первый женский голос. – А теперь он избегает меня, и все из-за чего? Я лишь предложила узаконить наши отношения! Даже мой духовник...

Дальше ничего нельзя было разобрать, кроме сморканий в платок и невнятных сетований на судьбу.

– Всю мою жизнь я была так несчастна! – продолжал тот же голос. – Мой муж был такой тиран... Настоящий деспот!

Казимир вспомнил деспота, который был тишайшим человеком на свете, и мысленно застонал.

Ну почему, почему тот не прожил еще много-много лет, ко взаимному удовольствию жены (которой все равно надо кого-то обманывать) и ее любовника (который все равно не собирается на ней жениться)? Ведь тогда Казимир не попал бы в такое дурацкое положение!

– Боюсь, я вынуждена вас разочаровать, Зинаида Петровна, – теперь говорила Амалия. – Я от всей души сочувствую вашему горю, но дело в том, что мой дядя никак не может жениться. Ни на вас, ни вообще на ком-либо.

За дверью Казимир приосанился и поправил жидкий ус.

– Ах, вы повторяете с его голоса! – плаксиво отозвалась Зинаида. – Он вообще спокойно не может слышать слово «свадьба». Даже когда мы проходили мимо церкви и кто-то венчался, он всегда стремился меня увести!

Амалия вздохнула, и Казимир невольно насторожился.

– Что ж, все понятно, – после паузы промолвила его племянница. – Собственный опыт дяди получился не слишком удачным.

– Опыт? – удивилась Зинаида Петровна.

Амалия вновь вздохнула, и Казимир затаил дыхание.

¹ Болезнь сердца (выражение эпохи). – Здесь и далее примечания автора.

– Дело в том, что мой дядя уже женат. Именно поэтому он никак не может снова жениться, – пояснила Амалия.

У замочной скважины Казимир в страхе икнул, закусил сустав пальца и вытаращил глаза.

– Как? – в непередаваемом изумлении воскликнула Зинаида Петровна. – Но Казимир мне ничего не говорил!

– Оно и не удивительно, к сожалению, – отозвалась Амалия. – И тем не менее это правда. У него есть жена в Варшаве. Ее зовут Марыся, очаровательная женщина... то есть была ею, пока не согласилась за него выйти. У них трое детей, я высылаю им содержание, потому что заботиться о семье дядя не в силах. И вообще, знаете ли, она столько от него натерпелась...

В полном остолбенении Казимир слушал, не понимая, на каком он свете, а Амалия продолжала рассказывать дальше. Очень спокойно и крайне убедительно она описала, как он проигрывал шали жены в карты, как скверно обращался с детьми, даже поколачивал их, как они ютились в подвале, отчего один из детей заболел рахитом... Племянница лгала так гладко, так непринужденно, что Казимир словно воочию видел тот подвал, освещенный одной тусклой свечой, слышал возню мышей за стеной, видел разводы на обоях от сырости...

– Но я ничего не знала! – то и дело восклицала Зинаида Петровна. – Ах, бедная женщина! Ах, какой же негодяй ваш дядюшка!

Казимир узнал, что и жену, несуществующую Марысю, он поколачивал регулярно, обзывал ее при детях нехорошими словами, и раз, когда ее родственники прислали им денег, он их отнял и пошел в притон играть в карты. И когда его ребенок едва не умер, он шлялся всю ночь невесть где, и вообще...

– Мы с матерью верили, что Марыся его образумит, – закончила Амалия. – Конечно, если бы на ее месте оказалась такая женщина, как вы...

Но Зинаида Петровна отчего-то не пожелала быть на месте Марыси. Напротив, она очень кротко извинилась, что посмела побеспокоить госпожу баронессу. Мол, ей и в голову прийти не могло... И сам Казимир ни разу, ни разу не упомянул даже, что он уже женат... Зато теперь понятно, отчего ему становилось дурно при одном намеке на свадьбу и отчего он избегал любых разговоров об их совместном будущем...

На прощание Зинаида Петровна выразила желание хоть чем-то помочь семье бедной Марыси, но Амалия заверила ее, что в том нет никакой нужды. Хоть Казимир и совершенно никчемный человек, но тем не менее она заботится о его жене и детях и старается делать все, чтобы для их же блага держать его подальше от них. Иначе он пустит их по миру, а детей отдаст в приют. «Ведь наверняка он даже не говорил вам, Зинаида Петровна, что у него есть свои малыши? Вот видите! Такой вот он черствый человек, собственные дети для него ничего не значат...»

Когда Зинаида Петровна уходила, даже по ее спине можно было прочесть, что она считает себя женщиной, которая избегла величайшей опасности, избавившись от негодяя, какого свет не видел. Вскоре вниз спустилась Аделаида Станиславовна, и Амалия, кратко пересказав ей, как она отделалась от objet² дядюшки, попросила ее позвать Казимира.

– Наверняка он сейчас подслушивает под дверью, – заметила Амалия, которая вследствие своей работы в тайной службе приобрела совершенно неуместную и неприличную в домашних делах проникательность. – Скажите ему, тапан, что он может больше не беспокоиться. Между нами, я сильно удивлюсь, если мадам Воронская когда-нибудь еще пожелает с ним знаясь.

Мадам Воронская и в самом деле навсегда исчезла из его жизни, а вот Казимир по совершенно непонятной причине затосковал. Он потерял аппетит и целыми днями лежал на диване, уставившись в потолок...

² Здесь: пассия (выражение эпохи, франц.).

– Может быть, ты зря ее отвадила? – предположила Аделаида Станиславовна, поднося к губам чашку чая. – Некоторые мужчины сами не знают, что им надо. Может быть, ему и впрямь стоит на ней жениться? Он сам не свой с тех пор, как она ушла.

Если говорить начистоту, Амалия была не прочь раз и навсегда избавиться от дядюшки Казимира, доверив заботу о нем кому-то еще, но она знала, что мать придерживается иной точки зрения, и потому предпочла перевести разговор на другую тему.

– По правде говоря, единственное, что меня беспокоит сейчас, – это Синяя долина, – призналась она. – Как-то некстати свалилось наследство от человека, которого мы ни разу в жизни не видели.

Но Аделаида Станиславовна стала горячо ее разубеждать. Может быть, наследство вовсе не такое скверное, как она думает? Надо бы послать телеграмму, чтобы ее встретили на вокзале, отправиться туда и все разузнать как следует.

– А там уж видно будет, – закончила старая дама. – Не понравится – всегда можно продать, а если совсем дело плохо, то можно и вовсе от наследства отказаться. Имущество твое, тебе и решать.

Так на следующий день Амалия выехала из Петербурга по направлению к загадочной Синей долине, еще не подозревая о том, какие приключения ожидают ее впереди.

Глава 1

Глушь

*Они привыкли вместе кушать,
Соседей вместе навещать,
По праздникам обедню слушать,
Всю ночь храпеть, а днем зевать.*
«Евгений Онегин», глава вторая.

*Занятиям деревня учит,
Уединенье хоть кого
Читать в ненастные дни научит
И мыслить вопреки всего.*
«Евгений Онегин», глава первая

1

Из частного письма

«Погода у нас, Лукерья Львовна, стоит отменная. Жаль, кусты клубники намедни попортил зловредный крот, но кабачки обещают быть весьма аппетитными. Морковь также хороша, хотя и не такая крупная, как в прошлом году. Я недавно посадила тюльпаны, да они что-то не прижились. Федот Федотыч, почтмейстер наш, которому я на то жаловалась, объяснил, что луковицы чрезвычайно лакомы для белок и мышей, которые их и сгрызают, предварительно вырыв из земли. À propos³, почтенный Федот Федотыч вам кланяется и просил справляться о вашем здоровье.

Марья Никитишна, которой 10 апреля исполнилось 83 года, нечаянно выпала из брички, которой правил пьяный кучер. Кучер сломал себе руку и ногу, а Марья Никитишна теперь передвигается вдвое быстрее прежнего и почти не пользуется тростью. Вот уж воистину: что одному на пользу, другому только во вред. Мой племянник Степан просил засвидетельствовать вам свое почтение. У него все по-прежнему, как и было. Он все дает объявления в газеты, да без толку, только деньги зря уходят. Скоро будет уже пять лет, как скрылась его жена, и я надеюсь, что он все-таки образумится и вспомнит о людях, которые куда больше его супруги достойны внимания. Вы знаете, как я желала бы видеть его с Верой Дмитриевной, нашей соседкой. Такая благоданная девушка, такое отзывчивое сердце – они были бы со Степаном прекрасной парой, но пока мой племянник и слышать не желает о разводе.

Маврикий Фомичев, тот купец, что метит в миллионщики, открыл еще один трактир и выкупил три лавки. Его кум Гаврила – теперь хозяин гостиницы, в которой прежде был управляющим, и все говорят, что на этом они не останутся. К нам в уезд приехал новый доктор, Владислав Иванович Никандров, интересный брюнет с голубыми глазами. Манеры самые столичные, и обхождение петербургское, а сюда он перебрался потому, что у него самого какие-то нелады со здоровьем и ему предписали побольше бывать на свежем воздухе. Впрочем, то, что он здесь, очень даже хорошо, потому что старый доктор Станицын совсем оглох, а от земского врача толку мало, да и глядит он исподлобья, словно зарезать хочет своим скальпелем, и к тому же от него постоянно пахнет йодоформом.

³ Кстати (франц.).

На днях была у нас Оленька, бывшая невеста Степана. Как вы помните, Лукерья Львовна, она теперь замужем за Пенковским, но и нас не забывает. Жаль, что Степан тогда пошел на поводу у своих чувств и предпочел Оленьке ветреную и весьма легкомысленную особу, о которой вам известно не хуже, чем мне. Оленька тоже просила вам кланяться.

Вчера заезжал доктор Никандров, они говорили со Степаном о разных политических материях и пришли к выводу, что войны в ближайшее время не будет⁴. Ну, дай-то бог. Нового мирового судью еще не выбрали, а в уезде всю судачат о завещании Саввы Аркадьевича. Оленькин муж, Пенковский, надеялся кое-что получить, так как приходился Савве Аркадьевичу крестником, да куда там – судья все отписал дальней родственнице, которая замужем за бароном Корфом и в Петербурге живет. Правда, от Федота Федотыча, у которого двоюродный брат в столице, узнала я за доподлинное, что она состоит с мужем в разводе и образ жизни ее далек от примерного. Наши говорят, что имение ей ни к чему и что Синяя долина скоро будет продана за бесценок. Старых слуг, вероятно, попросят со службы, и я уж решила, что возьму к нам кухарку Пелагею, потому как готовить она умеет превосходно. Что же до Дмитрия, лакея покойного Саввы Аркадьевича, то человек он пустяковый, пьет горькую и вряд ли кому-либо подойдет.

Только что пришла горничная Фекла и принесла новость от почтмейстера, что приезд новой барыни ожидается сегодня, потому как прибыла от нее телеграмма. Воображаю, что будет. Пока прерываюсь, а вечером отпишу вам обо всем подробно. Искренне ваша Настасья Сильвестровна».

⁴ В 80-е годы Европа несколько раз была на грани кризисов (из-за Болгарии, германских провокаций и др.), которые в любой момент могли вылиться в общеевропейскую войну. В конечном итоге такая война действительно случилась, но несколько позже, и получила название Первой мировой.

2

– Дми-итрий! Дмитрий! Погоди, почтенный...

Сидевший на козлах человек натянул вожжи, и лошадь, недовольно мотнув головой, остановилась. К коляске довольно уверенно ковыляла седовласая дама почтенных лет с востреньким носиком и маленькими глазками, почти лишенными ресниц. Это была Марья Никитишна, первая сплетница здешних мест, та самая, что так удачно вывалилась из брички. Она заискивающе поглядела на кучера и облизнула губы розовым язычком.

– Дмитрий, – нежно пролепетала она, пытаясь придать своему лицу самое доброе, самое ласковое, самое умильное выражение, – ты новую хозяйку едешь встречать?

Кучер, угрюмого вида человек лет сорока с мешками под глазами и подозрительно сизым носом, лишь мрачно покосился на ее жеваную шею и пробурчал нечто невразумительное, что, однако, можно было при желании принять за положительный ответ. Марья Никитишна приободрилась.

– Дмитрий, голубчик, – продолжала она, боком подбираясь поближе к коляске, – у нас дверь покосилась, не поглядишь сегодня на досуге? Заодно и про новую хозяйку расскажешь, какова она и что собой представляет, – нежно промурлыкала она.

Кучер дернул щекой, вновь буркнул что-то, что отдаленно смахивало на положительный ответ, и поудобнее перехватил вожжи. Судя по всему, Дмитрий был не слишком разговорчив.

– Так не забудь, сегодня! – крикнула ему вслед почтенная старушка и резвой рысцой затрусила обратно к своему дому.

– Тьфу ты, холеры на тебя нет! – довольно невежливо проворчал Дмитрий, когда коляска была уже на безопасном расстоянии от неугомонной сплетницы.

Он почувствовал потребность выпить, причем немедленно, а для этого вполне достаточно было завернуть в гостиницу к Гавриле Краснодеревщику, которая находилась как раз по дороге. Впрочем, Дмитрию так и не дали осуществить его намерение, потому что за пять домов до возделенной цели его окликнула молодая и хорошенькая Ольга Пантелеевна, жена чиновника Пенковского.

– Послушай, любезный...

Дмитрий по натуре был нелюбезен, а когда его так называли, у него и вовсе все нутро переворачивалось от раздражения. Поэтому он только натянул вожжи и пробурчал что-то вроде приветствия.

– Едешь встречать новую хозяйку? Ту, которой Савва Аркадьич все завещал? – допытывалась Ольга, и ее глаза то и дело перебежали с лица Дмитрия на его руки, державшие вожжи. – Послушай, Дмитрий! Мне кажется, тебе скоро понадобится новое место. – Кучер от неожиданности закашлялся так, что лошадь настороженно повела ушами. – Мой муж... ему очень будет нужен хороший человек. Поэтому, как только отвезешь хозяйку, будь так добр, загляни к нам, хорошо? Надо будет договориться об... об условиях.

Откашлявшись, Дмитрий все-таки выдал из себя несколько слов благодарности и пообещал, что непременно заглянет к Пенковским. Услышав его ответ, Оленька расцвела.

– Да, и не забудь рассказать нам, старая хозяйка или нет! – крикнула она, когда коляска уже отъезжала. – Мне почему-то кажется, что ей должно быть лет шестьдесят, как Савве Аркадьичу, – извиняющимся тоном добавила она.

Избавившись от жены чиновника, Дмитрий ухитрился-таки подъехать к гостинице, где его ждало спасение от всех бед, но у входа, как назло, стоял благообразный старик, который о чем-то увлеченно беседовал со здоровенным рыжебородым малым, причем последнему явно было тесно в цивильном костюме. Едва приметив старика, Дмитрий почувствовал, как его жажда чудесным образом куда-то испарилась. Кучер ограничился тем, что поздоровался

с рыжебородым Гаврилой, хозяином гостиницы, и поехал дальше. «Вот ведь принесла сюда Егора нелегкая!» – с тоской подумал он.

Местный старожил Егор Галактионович был известен своим суровым нравом, а также тем, что на дух не переносил алкоголь и табак. Он неистово обличал тех, кто имел несчастье придерживаться другой точки зрения, а у Дмитрия было не то настроение, чтобы вступать со стариком в перепалку. Вот кучер и ограничился тем, что вздохнул так громко, что лошадь с шага перешла на рысь.

Подъезжая к вокзалу, Дмитрий мысленно пытался представить себе, на кого будет похожа его новая хозяйка. Он помнил, что старый мировой судья, когда его первый раз потрянуло, начал наводить справки обо всех своих родственниках и велел поверенному составить завещание, где не было указано лишь имя будущего наследника. И Дмитрий вновь, как живого, увидел Савву Аркадьича, – как он сидел в глубоком кресле, прикрывшись пледом, и, брюзгливо оттопырив нижнюю губу, читал ответы на свои запросы. «Гм, в кавалерии числится и в долгу как в шелку. Не угодно ли, его нам только не хватало! А тут кто? Надо же – примерная супруга, семеро детей! Шалишь, матушка, твои семеро мою долину раздерут на семьдесят семь частей да и продадут, с них станется... Башибузуки! А это еще кто? Тридцать восемь лет, и еще не замужем. Нет, не годится, знаем мы их, старых дев, на которых свалилось наследство. Вмиг объявится какой-нибудь прощельга, фертик, черти б его драли, и все имущество – псу под хвост». И дальняя, очень дальняя родственница с привлекательным и странным именем Амалия судье тоже приглянулась не сразу. «Амалия, ишь чего выдумали! – пыхтел он. – Имя-то какое непотребное, на мысль сразу же приходит веселый дом с ихними мамзелями». Но, очевидно, обладательница непотребного имени оказалась все же респектабельнее, чем кругом задолжавший офицер – сын двоюродного брата, многодетная мать или старая дева. Ни одному из них Савва Аркадьич не оставил ни гроша, зато таинственной Амалии досталось все, чем он владел до тех пор, пока не отправился в лучший мир, где материальные и иные блага не имеют никакой ценности. И именно эта Амалия вскоре должна была решить судьбу самого Дмитрия Пересветова, лакея и по совместительству кучера старого судьи.

«Конечно, выставит за дверь, как пить дать, – мрачно размышлял Дмитрий. – На что я ей? Опять же, выпивон люблю-с, хотя больше наливочки разные, чем водочку. – Он вспомнил, какую наливку готовила кухарка Пелагея, и даже зажмурился от удовольствия. – Тяпнуть бы сейчас того... черносморозинной маленько. А можно и не маленько, – тотчас же поправил он себя. – Небось как явится, так все бутылки сразу же и примется считать, вместо того чтобы за мужиками из Рябиновки приглядывать, которые все лес норовят у нас таскать. Пока судья в силе был, так браконьеры тоже смиренно сидели, а как его первый удар хватил, всякую совесть потеряли. Эх!»

Вдали сипло засвистел локомотив. На перроне все оживилось и засуетилось. Дмитрий зачем-то вытянулся в струнку и стал тоже глядеть в сторону приближающегося поезда.

«Ну выгонят, ну и пусть, – подумал он напоследок. – Сбережения кое-какие имеются, Савва Аркадьич нас не обижал. А не пригодимся мы столичной даме – ее дело».

Мимо него пробежал начальник станции в красной фуражке, и лицо у начальника было такое озабоченное, словно поезд собирался провалиться под землю, не доезжая до станции, и только от него, начальника, зависело предотвратить катастрофу. Гремя, пыхтя, плюясь облаками пара, шипя, фыркающая и содрогаясь всеми вагонами, поезд протащил свое длинное тулово вдоль перрона и, свирепо лязгнув напоследок, стал.

– Остановка десять минут! Буфет!

Помимо воли Дмитрий ощущал странное волнение. Из первого вагона вышла дама с лошадиным лицом и в шляпе величиной с тележное колесо, строго поглядела на него и направилась в сторону буфета. Дмитрий нервно сбил со лба ладонью пот. Вот из другого вагона показалось несколько десятков пакетов, свертков, картонок и чемоданов, которые волокли за

собой маленького полузадохшегося господина в серой паре⁵. За господином величаво плыла дама с кисейным зонтиком, бывшая примерно на полторы головы выше своего супруга.

– Носильщик! – зычно воззвала она к одинокому Дмитрию.

– Простите, сударыня, – быстро возразил он, – но я не носильщик.

– Любопытно, – уронила дама, смерив его взором. – А где же все носильщики?

Полузадохшийся господин описал вокруг себя самого полукруг и изготовился было рухнуть на перрон без сил, но ледяной взгляд супруги вынудил его застыть в вертикальном положении. Шляпа готова была вот-вот свалиться с его головы.

Чувствуя, что он тут определенно лишний, Дмитрий двинулся вдоль вагонов и едва не налетел на согбенную старушку с хищным лицом и орлиным носом. Слуга только глянул на него и закоченел от ужаса.

– Простите... – пролепетал он. – Баронесса Корф?

На что получил сухой ответ, что она урожденная фон Ренсинг и к выскочкам Корфам уж точно не имеет никакого отношения. Благословляя небо, Дмитрий поспешно бросился прочь и только тут заметил носильщиков, которые усердно перетаскивали на перрон багаж очень красивой белокурой дамы в бледно-голубом шелковом платье. Судя по всему, багажа было много, во всяком случае, достаточно, чтобы все носильщики толпились именно здесь, оставив без подмоги маленького пассажира, захваченного чемоданами в плен, и его надменную жену. Блондинка обернулась, смерила Дмитрия взглядом, и в ее карих глазах сверкнули золотые искры.

– Простите, – пробормотал слуга, – я... я жду баронессу Корф.

Взмах тонкой руки, затянутой в перчатку.

– Стало быть, вы меня дождались, – спокойно сообщила дама в голубом. – Еще два чемодана, да, благодарю вас. Надеюсь, в ваш экипаж все это поместится. Впрочем, если нет, тогда найдем еще один.

⁵ Костюм (*выражение эпохи*).

3

– Едет, едет! – воскликнула Настасья Сильвестровна и в возбуждении потерла руки. Ее племянник Степан Александрович, к которому она недавно перебралась вести хозяйство, укоризненно покосился на нее.

– Кто едет, *ma tante*?⁶

– Слуга мирового, – торжественно объявила Настасья Сильвестровна. – И с ним новая хозяйка Синей долины. Да, точно она!

И дама прильнула к окну, чтобы во всех подробностях рассмотреть наследницу судьи, а затем подробно перечислить в письме к вдовствующей родственнице Лукерье Львовне, что именно представляет собой вновь прибывшая.

– Но она же совсем молодая... – разочарованно протянула Настасья Сильвестровна.

То ли ее замечание, то ли естественное человеческое любопытство все же вынудили Степана Александровича подняться с места, но он, отложив газету, тоже подошел к окну.

– Не понимаю я Савву Аркадьича, право слово, не понимаю, – вздохнула тетушка. – Как же ей управиться с таким большим именем? Ведь у судьи были и другие родственники да и крестный его... – Настасья Сильвестровна покосилась на племянника и умолкла.

Амалия уже поняла, что ее прибытие совершило в городке настоящий фурор. За оконными занавесками угадывались любопытствующие физиономии обывателей, встречные прохожие останавливались и, не стесняясь, разглядывали ее. Возле гостиницы с витиеватым названием «Бель Вю»⁷ рыжебородый здоровяк в костюме, который был ему тесен, снял шляпу и неловко поклонился молодой женщине. Амалия вопросительно посмотрела на своего возницу.

– Это Гаврила, значит, Модестыч Краснодарцевичков, – охотно объяснил Дмитрий. – И гостиница, стало быть, ихняя.

Плешивый господин лет сорока пяти с лихими кавалерийскими усами, который стоял на противоположном тротуаре, оказался почтмейстером Федотом Федотычем, а голубоглазый брюнет рядом с ним – доктором Никандровым. Молодая девушка, которая выходила из модной лавки, была отрекомендована как Вера Дмитриевна Осокина, дочь покойного брендмейстера. Но тут взор Дмитрия выхватил среди прохожих резвую старушку с востреньким носиком, возница сразу нахмурился и стегнул лошадь.

– Далеко до Синей долины? – спросила Амалия.

– Да уж верст пятнадцать будет, – отозвался Дмитрий.

Он приободрился и заметно повеселел. Новая хозяйка имения оказалась прехорошенькая и к тому же совсем не строгая. Городок остался позади.

– А вот и ваши земли начинаются, – объявил Дмитрий.

Амалия огляделась. По обеим сторонам дороги бежали луга, окаймленные полоской сизого леса. Коляска выехала на простор, и вдали показалась синяя река, которая разбегалась двумя притоками, огибая многочисленные островки. Вид был настолько красивый, что у Амалии невольно захватило дух.

– Значит, вот почему долина синяя! – вырвалось у нее.

Дмитрий важно кивнул.

– Предкам Саввы Аркадьича тут все, почитай, принадлежало, но ему из-за свободы⁸ досталось меньше. – Дмитрий приподнялся и повел в воздухе кнутовищем. – Вон тот лес, река и все, что возле реки, – тоже его. Усадьба, мельница, пруды...

⁶ Тетушка (*франц.*).

⁷ «Прекрасный вид» (*от франц. belle vue*).

⁸ Имеется в виду крестьянская реформа, повлекшая за собой разорение многих помещиков.

– И давно все имение заложено? – как бы между прочим поинтересовалась Амалия.

– Заложено? – Дмитрий удивленно взглянул на нее. – Что вы, сударыня, мы здесь лихоимцев из земельного банка и в глаза не видели.

Это было что-то новенькое. Но молодая женщина никак не могла отделаться от мысли, что в таком роскошном даре просто обязан был крыться какой-то подвох.

– И после судьи не осталось никаких долгов? – допытывалась она. – Он не проиграл имение в карты, не вел никаких имущественных тяжб, ничего?

Дмитрий призадумался и наконец объявил, что о подробностях он не осведомлен, но, надо полагать, Петр Иванович, поверенный, сумеет лучше объяснить госпоже баронессе суть дела. Сам он только может сказать, что судья любил раскладывать пасьянсы, а к азартным играм пристрастия не имел.

Коляска въехала в липовую аллею, описала полукруг и замерла возле крыльца, на котором уже стояли трое человек. Молодой поверенный, розовея от смущения, подал Амалии руку и помог выйти.

– Калмин Петр Иванович, – представился он. – Очень, очень рад чести. Прошу вас...

– А это кто? – спросила Амалия, кивая на двух остальных.

– Пелагея, кухарка, настоящая мастерица, и Лизавета, ее племянница... Лизавета в доме убирается. Судья не терпел другой прислуги, он только трех человек и держал в доме, – объяснил Петр Иванович, словно извиняясь за неприветливость покойного.

Что ж, подумала Амалия, оглядывая большой, потемневший от времени усадебный дом с гербами, львами и облупившимися колоннами, если тут было всего три человека прислуги, то, пожалуй, можно сказать, что неведомый ей Савва Аркадьич не страдал излишней расточительностью. Возможно, кучер сказал правду и имение на самом деле не заложено, свободно от долгов и каких-либо других обязательств. Да, возможно... но хотелось бы знать наверняка.

– А кто занимался садом? – спросила Амалия, скользнув взглядом по клумбам с заботливо посаженными розами.

– Сам Савва Аркадьич и занимался, – объяснил поверенный. – Любил он розы, очень любил. Всегда говорил, что цветы лучше людей, и с удовольствием с ними возился. Даже на выставку раз куда-то ездил... Его первый удар как раз в саду и хватил, – добавил Петр Иванович, когда они шли по дому. И тут же спохватился. – Впрочем, вам, сударыня, наверное, это неинтересно...

– Нет, что вы, – совершенно искренне ответила Амалия, – мне все интересно. Продолжайте, прошу вас... Значит, у Саввы Аркадьича не осталось прямых наследников?

– Нет. Жена его умерла несколько лет назад, когда они находились за границей, а детей у них не было. Конечно, имение немного запущено, потому что Савва Аркадьич жил на одно жалованье да кое-что сдавал в аренду, но, я полагаю, толковый управляющий легко сможет распорядиться так, что вы будете получать твердый доход.

– А Савва Аркадьич что же, не держал управляющего?

– Нет-с. Не доверял он никому, такой уж характер... Да и после смерти жены он как-то быстро сдал, знаете ли. Жена гораздо моложе его была... и вдруг такая неожиданность... Вам угодно сейчас ознакомиться с бумагами или потом? Я могу и подождать, если вам угодно...

– Нет-нет, к чему же, Петр Иванович... Мне бы не хотелось заставлять вас ждать напрасну.

Они вошли в большую, просторную, светлую гостиную с окнами от пола до потолка. Амалия огляделась. Простая, но удобная мебель, на стене – портрет одного из царей, напротив – безыскусные изображения каких-то дам и бабушек в чепцах, написанные, наверное, много лет назад крепостным художником, несколько фотографий в рамках, диплом об окончании университетского курса...

Амалия отвернулась. Ее не оставляло тягостное чувство, что она вторглась самозванкой в чужую жизнь, нарушила странный, бесплотный и вместе с тем незабываемый уклад, который был заведен тут десятилетиями, если не веками, и к которому она не имела решительно никакого отношения. Все вещи вокруг были незнакомы и вид имели сосредоточенный, суровый и враждебный, словно хотели оттолкнуть ее. В самом деле, разве для нее этот кривоватый подсвечник, закапанный воском, или кипа пожелтевших газет, старая трубка, лежащая на столике, хлыст для верховой езды, какой-то плед, порванный и наспех зашитый? Все они словно хотели сказать ей: «Ты чужая нам, и мы чужие тебе». Амалия чувствовала себя словно завоеватель в захваченном им городе, который и покорился, и тем не менее не принадлежит ему. И слова «наследство, завещание», которые для иных людей значат так много, ничего совершенно в этом не меняли.

Петр Иванович сел за стол, разложил бумаги и улыбнулся Амалии. Наследница ему определенно нравилась, и про себя он подумал, что у старого брюзги Нарышкина оказался на редкость хороший вкус.

– Ну-с, – мягко сказал поверенный, – приступим.

4

Никаких долгов. Никаких обязательств по отношению к земельному банку, никакого намека на залог, ничего. Битый час Амалия расспрашивала Петра Ивановича, но так и не смогла добиться от него хоть чего-то, что могло представлять опасность в отошедшем к ней наследстве. Единственная заковыка, которую сообщил ей поверенный, заключалась в том, что покойный судья, похоже, жил в своем имении как собака на сене. Он никому не позволял охотиться в своих лесах, устраивал шумные склоки, если кто-то покушался ловить рыбу в его прудах, а после смерти жены распустил почти всю прислугу, оставив при себе лишь трех человек. Вообще Савва Аркадьич был нелюдим, характер, судя по всему, имел прескверный и раз даже заявил своему крестнику Пенковскому, который служит акцизным чиновником, что жена Пенковского, известная кокетка и модница, может не надеяться выписывать себе платья из Парижа, потому как в ближайшее время наследства им не видать как своих ушей. Пересказав означенную сцену, которая произошла при нем, поверенный сконфуженно улыбнулся.

«Все, конечно, замечательно, – думала Амалия, – но... Почему я? Почему именно я, ведь мы никогда не встречались прежде и не знали друг друга? Если поверенный ничего от меня не утаил, то все это имущество: заливные луга, пруды, лес, где даже лоси водятся, усадьба в два этажа, которая хоть слегка и обветшала, но находится во вполне пристойном состоянии, – стоит очень больших денег. Или Савва Аркадьич надеялся, что я достаточно богата, чтобы содержать Синюю долину и не допустить, чтобы она перешла в чужие руки? Загадка...»

– Скажите, покойный судья... – Она на секунду замолкла, но все же собралась с духом и продолжила: – Он очень любил Синюю долину?

Петр Иванович удивленно посмотрел на нее.

– Сложно сказать, сударыня... Конечно, пока он был жив, к нему многие наведывались, спрашивали, не продаст ли он землю или, допустим, часть лугов. Сахарозаводчик Антипенко из Харьковской губернии, так тот вообще очень хорошую цену ему предложил в свое время. А судья только ногами затопал и выгнал его. Маврикий Алпатыч, опять же, очень хотел у него лес приобрести, но...

– Маврикий Алпатыч – это кто? – полюбопытствовала Амалия.

– Фомичев, купец, – объяснил Петр Иванович. – Вы о нем не слышали? Конечно, нет, вы же только что приехали... Он у нас местный богач и церковный староста. В городские головы метит. Старая церковь XVII века, что в городе Д., на его деньги обновлена, две тысячи он дал в свое время, чтобы все в божеский вид привести... Его отец был крепостным у моего отца, а Маврикий быстро в гору пошел.

Амалия метнула на него быстрый взгляд. Показалось ли ей, или в тоне милейшего Петра Ивановича и в самом деле мелькнуло нечто похожее на сожаление?

– Значит, он хотел купить у судьи лес? – спросила она.

– Да. Но Савва Аркадьич его обругал и тоже выставил за дверь.

Гм, однако и нрав был у бывшего хозяина, подумала Амалия. Впрочем, если он и впрямь был такой мизантроп, что любил все делать наперекор прочим, тогда нечего удивляться, что в качестве наследницы он выбрал именно далекую петербургскую родственницу. Скорее всего, чтобы досадить более близким претендентам вроде Пенковского. Незаметно все происходящее начало ее забавлять.

– Как вам угодно будет распорядиться вашим наследством? – осведомился Петр Иванович, глядя на Амалию добрым, ласковым взором.

Амалия заметила его добрый взор и сразу же поняла, что вопрос задан не просто так, что у Петра Ивановича есть какая-то задняя мысль, и хорошо, если только одна. Поэтому молодая женщина ограничилась тем, что сказала:

– Я пока еще не знаю. Мне надо осмотреться, посоветоваться со знающими людьми. Наверняка содержание Синей долины обходится недешево. Да и все эти луга, леса... – Она рассмеялась и сделала беспечный жест. – Право, я ничего в этом не понимаю!

Петр Иванович покивал с мудрым видом, но его собеседница не сомневалась, что он принял ее слова к сведению. Несмотря на возраст, Амалия отлично разбиралась в управлении помещьем, но считала преждевременным раскрывать свои карты.

– Вы любите охоту? – спросил поверенный.

– До Петрова дня⁹ еще далеко, – заметила Амалия. По правде говоря, охота ей совсем не нравилась, однако ей стало любопытно, что скажет поверенный.

– Когда-то Савва Аркадьич знатные охоты устраивал, – вздохнул тот. – А потом – как подменили человека. – И без перехода Петр Иванович продолжил: – Я полагаю, многие здешние жители захотят отдать вам визиты, как новой владелице Синей долины. Вероятно, вам понадобятся еще слуги...

Однако Амалия с лучезарной улыбкой заверила его, что с нее пока хватит тех троих, что есть в наличии. И вообще, она не уверена в том, что надолго здесь задержится.

– Савва Аркадьич был замечательный человек, но все-таки старого склада, – заметил Петр Иванович. – Любой другой извлекал бы из земли доходы да жил себе припеваючи, а он землю запустил совершенно и даже управляющего не держал. Говорил, что они воры и лихоимцы, по всем по ним Сибирь плачет. – Поверенный выдержал крохотную паузу. – Если, сударыня, вам понадобится управляющий...

Но Амалия, которая уже давно сообразила, куда ветер дует, с еще более лучезарной улыбкой объявила, что она еще не думает ни о каком управлении, ей бы хотелось для начала ознакомиться со своим новым имуществом. А там, конечно, она уж решит, что дальше с ним делать – продать ли все с молотка, заложить земельному банку или оставить себе да нанять, в самом деле, толкового человека, чтобы тот за всем приглядывал.

Петр Иванович галантно промолвил, что он всегда к услугам очаровательной баронессы, и если ей понадобится помощь, то он готов ее оказать. Также он попросил обращаться к нему в любое время, когда ей заблагорассудится. Тем более что сам он живет совсем близко, всего в полчаса езды от Синей долины.

– Значит, мы с вами почти соседи? – спросила Амалия, и ее глаза сверкнули золотом.

Поверенный с энтузиазмом подтвердил, что именно так.

Старинные часы на стене, кивая маятником, откашлялись и прохрипели три, после чего вновь с одышкой принялись отстукивать минуты. В саду жалобно закричала какая-то птица и умолкла.

– Когда вам угодно подписать бумаги? – спросил Петр Иванович.

⁹ 29 июня – дата, после которой официально было разрешено охотиться.

5

– Отойди, наказание господне!

Кухарка махнула полотенцем на Дмитрия, но слуга не унимался.

– Ты хоть соображаешь, что творишь, а? – сердито спросил он. – Такой барыне собираешься подавать, прости Господи, щи, кулебяку, карасей и язык с горошком! Деревня!

Пелагея злобно покосилась на него и уперлась кулаком в бок.

– Покойный Савва Аркадьич кушали наших карасей в молоке и не жаловались, – проворчала она. – И жена его, царствие ей небесное, ничего против рыбного не имела. Лизавета! – возвысила она голос. – Ты начинку для кулебяки приготовила?

– Ой, выгонят нас, в шею погонят, как пить дать... – простонал Дмитрий. – Какие щи, Пелагеюшка? Дама деликатная, образованная, сразу же видать – ниже трюфлей ничего кушать не будут-с.

– Где я тебе возьму трюфли, ирод? – вопрошала сердито покрасневшая широколицая Пелагея. – Может, еще птичьего молока прикажете, а?

– Нешто к Алпатычу послать? – вздохнул слуга. – У Алпатыча в лавке все есть.

Пока в кухне происходило сие животрепещущее гастрономическое обсуждение, Амалия подошла к окну и стала рассеянно смотреть на кусты белой сирени, обступившие дорожку. Хотя слуги и постарались приготовить к ее приезду самую лучшую комнату, от Амалии не укрылось, что в этих стенах давно никто не жил. Большое зеркало потемнело от времени, а за резным шкафом таинственно поблескивала паутина, которую Лизавета позабыла вымести вместе с пылью и всяким сором.

Амалия заглянула в один шкаф и увидела там несколько основательно подгрызенных молью меховых салопов. В другом рядами стояли книжки, и, наугад открыв одну, новая хозяйка Синея долины могла убедиться, что та была издана еще до нашествия французов.

«И что же мне с неожиданным наследством делать?» – спросила себя Амалия.

Дама со стенного портрета косилась на нее неодобрительно, поджав губы, и словно недоумевала, что за незнакомка объявилась в этих стенах. Рассохшийся паркет скрипел под ногами, где-то тоненько пискнула мышь и умолкла. Амалия подошла к секретеру и принялась один за другим выдвигать ящики. Крошки табаку. Фиалковые лепестки в шелковой мешочке. Медальон с прядью русых волос. Пачка каких-то пожелтевших от времени листков, исписанных по-французски убористым почерком (Амалия поглядела на дату – 8 juin 1845¹⁰ – и вздохнула). Заржавленное перо, чернильница с чернилами, которые, похоже, высохли еще до рождения Амалии. Пожав плечами, молодая женщина задвинула ящики обратно.

– Лиза!

Произведенная в горничные по случаю приезда новой хозяйки Лизавета явилась на зов через минуту. К ее рукам прилипло несколько кусочков зеленого лука, и она машинально вытерла их о передник.

– Ну так что там с обедом? – спросила Амалия.

Лиза, краснея, ответила, что Дмитрий Матвейч уехал в город за трюфелями, но если барыне угодно, то они приготовят обед по-простому, по-деревенски. Кулебяка, щи, язык, рыбное, слоеные пирожки...

– Зачем мне трюфели? – проворчала Амалия, которая не ела с самого утра и успела прилично проголодаться. – Подавайте то, что есть!

Торжествуя, Лиза упорхнула и через некоторое время воротилась доложить, что кушать подано. За это время Амалия успела переодеться в более простое кремовое платье, снабженное

¹⁰ 8 июня 1845 (франц.).

турнюром с тремя перехватами, и Лиза, гордая своей новой должностью, тотчас же решила, что их новая хозяйка – дама хоть куда и даст сто очков вперед задавке Ольге Пантелеевне, не говоря уже о Вере Дмитриевне и прочих дамах.

Когда Дмитрий вернулся, таща с собой коробку с трюфелями, Пелагея уже мыла посуду.

– Привез? – буркнула кухарка. – Ладно, подадим уж твои трюфели на ужин. Только лошадей зря гонял.

Слуга отдал ей коробку и спросил, чем сейчас занимается хозяйка.

– У, такая обстоятельная, такая основательная дама, – отозвалась Пелагея. – Сразу же видать, что из столицы. Обо всем расспрашивала: и о судье покойном, и о его родичах, и о крестнике, господине Пенковском. Про городских спрашивала, кто да что собой представляет. Потом справилась насчет нашего жалованья и всем его повысила. Лизавета нонче у нее горничная, ей больше всех прибавила, но и нас с тобой не забыла, по пять целковых накинула.

Дмитрий повеселел и ущипнул Пелагею за бок. Дела явно шли лучше, чем он предполагал.

– Уйди, ирод! – прошипела кухарка, делая страшные глаза.

– А теперь она чем занимается? – спросил слуга.

– Известно чем, – фыркнула Пелагея. – Имущество обсматривает, что да как. По всем комнатам ходит и проверяет.

Сверху донесся мягкий фортепьянный аккорд. Последняя нота долго дрожала в воздухе, прежде чем раствориться в безмолвии.

– Настоящая хозяйка, – молвила кухарка с уважением и ничего более не сказала.

...Наверху Амалия опустила крышку рояля, который был совершенно расстроен и покрыт густым слоем пыли. Она уже осмотрела все помещения на первом этаже и теперь обходила второй. Здесь были полутемные комнаты с портретами строгих не улыбочивых людей на стенах, чуланы, забитые рухлядью, бильярдная с большим столом, сукно на котором из зеленого со временем превратилось в сероватое, спальни, в которых стоял нежилой дух и пахло мышами. Амалия наугад открыла один из шкафчиков представительного вида и увидела, что он набит пустыми бутылками. В соседней комнате она обнаружила буфет с наливками, причем каждая бутылка была снабжена точной этикеткой на манер аптекарской сигнатурки.¹¹

За окнами меж тем зашумело, сирени затрепетали на ветру. Из-за реки на Синюю долину надвигалась гроза, и внутри толпящихся в небе желтобрюхих туч что-то утробно погромыхивало и жалобно ворковало. Амалия потерла руки и только теперь заметила, что озябла.

– Дмитрий! Разожги огонь в гостиной, я сейчас туда спущусь.

Слуга повиновался. За окнами сделалось совсем темно, и через мгновение сплошной стеной хлынул дождь. Амалия сошла в гостиную и в отблесках огня стала рассматривать фотографии на стене.

– Это Савва Аркадьич? – спросила она, указывая на карточку высокого плотного старика с сердитым лицом и седыми пушистыми усами. Как она могла заметить, в комнате было больше всего фотографий именно с его изображениями.

– Да, это покойный судья, – подтвердил Дмитрий.

Вслед за тем он перечислил всех остальных, кто присутствовал на фотографиях. Матушка Саввы Аркадьича... Сестра его отца, которая была влюблена в офицера, навлекшего на себя гнев царя Николая... Офицер потом сражался в рядах венгерской армии против русских, после чего его возвращение домой сделалось решительно невозможным. Умер он где-то в Париже, забытый всеми, а тетка Саввы Аркадьича так и не вышла замуж... Здесь, конечно, она совсем старенькая, но в молодости, говорят, была красавица. Ее портрет висит на втором

¹¹ Этикетка лекарства (выражение эпохи).

этаже, напротив лестницы... А вот сестра Саввы Аркадьича, которая умерла от тифа совсем молодой... Двоюродная сестра, Савва Аркадьич ей предложение делал, но она отказала...

Амалия слушала рассказы слуги и чувствовала, как чуждый прежде дом обрастает призраками и легендами прошлого, которое не хотело отсюда уходить. Сколько поколений жило, старело, страдало, было счастливо, тосковало, росло в этих стенах... И сами они исчезли, и имена их почти забыты, но вещи в доме помнили их, помнили ту или того, чей локон остался лежать в хрупком медальоне, помнили офицера, изменившего отечеству, и, наверное, от него были те пожелтевшие письма со следами девичьих слез на страницах... Все вещи теперь принадлежали ей, Амалии, по прихоти того старика с седыми усами; и вместе с вещами ей отошло то, что не вписывается ни в какие завещания, ни в какие дарственные, – воспоминания о людях, которые оставили в доме свой след, которые прожили здесь свою незаметную, быть может, незначительную жизнь и тихо в свой срок сошли в могилу. И Амалии надо что-то делать со всем грузом прошлого, распоряжаться, обновлять дом, красить крышу, заводить управляющего, чистить пруды... При одной мысли об этом у нее заломило виски.

– Можешь идти, – сказала она Дмитрию.

Слуга удалился, а Амалия устроилась возле огня и стала просматривать бумаги, которые отыскала в разных местах дома. Тут были письма, записки, фотографии, документы, толстые приходно-расходные тетради. Раскрыв одну такую тетрадь, которая остро пахла плесенью, Амалия увидела аккуратно проставленную дату «1818 года мая 16 дня». К концу тетради почерк сделался менее аккуратным, буквы шатались и разваливались на строках. Здесь, в записях о покупке сальных огарков, перин и сбруи для лошадей, была запечатлена целая жизнь, принадлежавшая некоему Кириллу Семенычу Нарышкину. «Жене капор новый... Попу за крестины... Аптекарю за отвар... За крестины... За гробик для Васи... Жене на материю для платья... За крестины...» Все, чем он дышал, все, о чем думал, отразилось в цифрах; и, по сути, ничего больше не осталось от него на земле, никакого следа, кроме столбиков цифр и пояснительных надписей. А это еще что? «Пара пистолетов дуэльных... Доктору за вытаскивание пули...» Ого-го, вот вам и Кирилл Семенович! Весь в жене да в детях, которые попеременно то рождались, то умирали, однако же дрался на дуэли, да еще когда ему было лет сорок, судя по записям, – не мальчик, скажем прямо, но муж; и тем не менее взрослые мужи порою удивляют сильнее порывистых юнцов.

Амалия отложила пахнущую плесенью тетрадь и взялась за фотографии, которые лежали в бюро, стоявшем наверху. Дама с кислым лицом в белом и с белым же зонтиком на фоне каких-то пальм – Ницца, 1880, значилось на обороте. Амалия вопросительно поглядела на карточку Саввы Аркадьича, висящую на стене. Жена? Похоже на то. На других фотографиях была она же, но моложе, под руку с мировым судьей, который вовсе не смотрелся брюзгой с крепко сжатым ртом, а наоборот, улыбался, как довольный жизнью и собою человек. Да уж, помыслила Амалия, ведь жена лет на двадцать пять была моложе супруга и тем не менее оставила его вдовцом. Но дальше размышлять на эту тему не хотелось, и Амалия стала читать письма, помеченные 1845 годом.

За окнами сделалось светлее, дождь для порядку еще побрызгал на розы и кусты сирени, но затем прекратился совершенно. Сквозь разрывы туч показалось солнце. В гостиную заглянула Лизавета, справилась, не нужно ли барыне чего, и бесшумно удалилась. Амалия прочитала письма, написанные безукоризненным французским слогом, и вновь принялась за тетради. Приход... расход... Положительно скучно! Амалия хотела было захлопнуть тетрадь, но тут ей в глаза бросилась надпись наверху очередной страницы: «Философия одерживает верх над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего одерживают верх над философией. Ларошфуко».

Заинтересованная, Амалия стала читать дальше. Судя по всему, автору приходно-расходной книги Савве Аркадьичу Нарышкину надоело считать спички и перчатки, потому что

он принялся делать выписки из разных авторов. И то, какие именно выписки он делал, куда ярче любых цифр говорило о направленности его ума.

«Не будь у нас недостатков, нам не было бы так приятно примечать их у наших ближних».

«Старики любят давать хорошие советы, потому что больше не могут подавать дурные примеры».

«Раскаяние не обязательно значит, что мы сожалеем о содеянном зле, – скорее, мы просто боимся зла, которое можем получить в ответ».

«Многие презирают жизненные блага, но никто почему-то не торопится ими поделиться».

«Нас утешает любой пустяк, потому что любой пустяк приводит нас в уныние».

«Лучшее в добрых делах – это желание их скрыть».

«В долг не бери и займы не давай, ибо и в писании так сказано».

Амалия поглядела за окно, где в брызгах дождя на солнечном свету сверкал и переливался омытый грозой сад, и перевернула страницу. Здесь уже не было выписок, а начинался отрывочный и, судя по всему, не слишком интересный дневник.

«19 сентября. Сватался к Наденьке. Отказ. Ее мать имеет виды на офицера, какого-то артиллериста. Унизительное объяснение. Надеюсь, того офицера ухлопают на первой же войне. Зол и расстроен».

7 декабря. Вернулся из столицы. Видел университетских приятелей. Разговаривать совершенно не о чем. И так, и сия глава моей жизни завершилась.

9 января. Приезжал доктор Станицын. Нашел, что у меня не в порядке нервы, прописал уйму лекарств. Шалишь, голубчик! Как будто я не знаю, что ты женат на сестре аптекаря и делаешь все, чтобы у него покупали как можно больше. Ну да я тебе не старая идиотка Марья Никитишна, которая верит каждому твоему слову. Выкинул все рецепты в огонь».

Дальше шли подряд десять или пятнадцать листов записей – погода, толки о турецкой войне, жалобы на подагру, на здоровье, какие-то отрывочные заметки о прочитанных книгах...

«14 октября. «Вестник Европы» поглупел. Больше не буду его выписывать».

Вечером получил известие, что Наденька умерла. Муж жив-здоров и все после нее унаследовал. Сколько народу поубивало турецкими ядрами, а этой скотине ничего не сделалось.

Для меня – жизнь кончена навсегда».

Далее в записях был большой перерыв, который оканчивался лаконичной заметкой: «Женился», после чего снова начались мелочные расчеты и цифры. Крупа, сахар, ленты, материя для новых занавесок... Последними были записаны подсчеты для очередной поездки в Ниццу, а затем шел чистый лист. Перевернув его, Амалия прочитала:

«13 августа. Вот теперь уж точно – все кончено. Крышка мне».

Значит, новая запись сделана после смерти его жены, сообразила Амалия. Она устроилась на диване поудобнее и стала читать дальше.

«18 сентября. Сильнейшее сердцебиение ночью. Проснулся в тоске. Днем судебное заседание. Видел крестника Пенковского. Разъехидственная рожа. Справлялся о здоровье. Ну погоди, уж я тебе покажу здоровье!»

2 сентября. Весь день – дождь. Ходил из угла в угол. Думал. Ничего не надумал, лег спать. Пытался читать журнал – все писатели вруны. Нет чтобы честно сказать – мы ничего не знаем о жизни и ничего в ней не смыслим, – так нет же, встают в позу, советы советуют. Будь моя воля, я бы их всех упек по 119-й.¹²

10 сентября. Проклятый Д. жужжит, как улей. Жена акцизного чиновника Севастьянова сбежала с каким-то гусаром. Это та Наталья Георгиевна, которую он увидел в Москве и в кото-

¹² 119-я статья «Устава уголовного судопроизводства» фактически оставляла мировому судье право выносить любой приговор на свое усмотрение.

рую без памяти влюбился. По-моему, пустоголовая бабенка, но Севастьянова жаль. Он уже приходил ко мне, просил совета. Говорил, что хочет застрелиться. Я ему сказал, что так он лишь сделает своей жене одолжение. Вроде одумался. Бывшая его невеста Оленька, которая нынче за моим крестником, тихо ликует. Бабы, черт бы их побрал...

16 сентября. На судебного следователя Замятина поступила жалоба. Целыми днями дует водку, подлец, в месяц имеет 250 целковых и ни черта не делает. Накричал недавно на крестьянина Нифонтова, который выступал свидетелем, и будто бы по лицу его ударил. Вроде хотят перевести Замятина в другой уезд, чтобы замять дело (эк я скаламбурил!). И очень хорошо. Хотя я бы и его упек по 119-й, чтобы впредь руками не размахивал».

В дверь постучали, и вошел Дмитрий. Амалия заметила, что он причесался и надел сюртук поприличнее.

– Госпожа баронесса, – торжественно доложил слуга, – к вам гости.

6

Гостей было трое: один – голубоглазый брюнет, которого Амалия уже видела прежде, проезжая через Д., другой – светловолосый господин с усиками и выражением лица, какое бывает у примерных сыновей и чиновников с незапятнанным формуляром¹³, а третий – третий не походил ни на одного из своих спутников. Прежде всего, он был очень высокого роста, широк в плечах и носил великолепные ухоженные темные бакенбарды. У него была добродушная мясистая физиономия из числа тех, которые особенно располагают к себе детей и хрупких барышень, а на безымянном пальце красовалось обручальное кольцо. «Отец семейства», – почему-то сразу же подумала Амалия, скользнув по нему взглядом. Но тут светловолосый с усиками заискивающе улыбнулся, и хозяйка обернулась к нему.

– Очень, очень рад познакомиться с вами, дорогая кузина, – проворковал он, целуя ей руку, и его серые глазки сузились в две крошечные щелочки. – Позвольте отрекомендоваться, Сергей Сергеевич Пенковский, служу акцизным, крестный сын дорогого... покойного Саввы Аркадьевича. А вы, насколько нам известно...

– Баронесса Корф, Амалия Константиновна, – ответила Амалия, незаметно отнимая руку. Она не любила, когда ей слюнявили кожу – как известно, целовать руки дамам тоже надо уметь.

– Я вас такой себе и представлял! – в экстазе вскричал Пенковский. – Полагаю, мне стоит отрекомендовать моих спутников. Вот, не угодно ли: Владислав Иванович Никандров, врач, наш эскулап, так сказать... Не успеете заболеть, как он вас уже вылечит.

Сей образчик провинциального остроумия заставил Амалию едва заметно поморщиться. Зоркий Пенковский, однако, заметил ее гримаску и заторопился.

– А вот, не угодно ли, Степан Александрович Севастьянов, – объявил он, указывая на здоровяка. – Бывший акцизный, ныне в отставке. Прибыл, так сказать, засвидетельствовать вам свое почтение-с...

Амалия пристальнее взгляделась в здоровяка, который не осмелился поцеловать ей руку, а только почтительно и очень осторожно пожал ее. Неужели этот солидный с виду господин, отец семейства, как она назвала его про себя, и есть тот, от которого четыре с лишним года назад сбежала жена и который обещал мировому судье Нарышкину застрелиться? Или тягостная история уже осталась в прошлом и блудная жена давно вернулась к своему супругу, который принял ее так, словно ничего не случилось? «Надо будет навести справки у Лизаветы, – смутно подумала Амалия, – она должна все знать».

– Надеюсь, вам у нас понравилось? – спросил доктор.

Амалия пожала плечами.

– Я пока еще слишком мало видела, – призналась она. – Но то, что видела, мне, скорее, нравится.

– О, вам обязательно понравится в наших краях! – горячо подхватил Пенковский. – Во-первых, обыватель тут хоть и провинциальный, но при том, однако же, вполне культурный. В Д. есть театр, и к тому же время от времени супруга градоначальника устраивает балы-маскарады. Во-вторых, – он сладко улыбнулся, – я положительно не могу себе представить человека, которому бы не пришлось по душе жить в Синей долине. Это же жемчужина здешнего края!

– Да, в самом деле, – пробормотал здоровяк Севастьянов, похоже, от природы не слишком красноречивый, и к тому же он заметно тушевался в присутствии красивой хозяйки.

¹³ В реалиях сегодняшнего дня – трудовая книжка.

– Должен вам сказать, – прибавил Пенковский, – что Ольга Пантелеевна, моя супруга, на днях устраивает званый вечер. И она была бы счастлива, госпожа баронесса, если бы вы почтили его своим присутствием!

Госпожа баронесса, которая и в Петербурге ходила в гости далеко не к каждому аристократу, лишь вежливо улыбнулась.

– Право, не знаю, получится ли...

– О, госпожа баронесса, мы обязательно вас ждем! Ольга Пантелеевна мечтает с вами познакомиться. Восемнадцатого мая, к 7 вечера! Мой дом в Д. вам всякий укажет. – Он обернулся к Никандрову. – И вы, Владислав Иванович, приходите непременно. Помните, вы обещали!

Голубоглазый Владислав Иванович дал понять, что побывать на вечере у Ольги Пантелеевны было мечтой всей его жизни и что он ничего так не желал, как этого. Что же до Севастьянова, то он нахмурился и отвел глаза, и Амалия вспомнила, что жена Пенковского когда-то была его невестой.

– И вы, голубчик, тоже, – обратился к нему Сергей Сергеевич. – Будет большой вечер... очень большой! Загляните к нам по старой памяти, сделайте одолжение...

И он снова буквально вцепился в Амалию, став делиться с нею своими воспоминаниями о крестном отце. По его словам, судья был добрейший человек на свете, от которого он не видел ничего, кроме благодеяний.

Примерно через полчаса Владислав Иванович вспомнил, что обещал помочь старому доктору Станицыну с консилиумом, и попрощался с очаровательной хозяйкой. Степан Александрович, судя по всему, был не прочь остаться в ее обществе еще немного, но Пенковский сладким голосом напомнил ему о Настасье Сильвестровне, и «отец семейства» тоже откланялся. Амалия решила, что Настасья Сильвестровна была новой женой Севастьянова, и подумала, что, в сущности, оно и правильно: если ты сделал ошибку, связавшись однажды не с тем человеком, это не значит, что ты должен страдать из-за него всю жизнь. Ошибки на то и ошибки, чтобы их исправлять, в конце концов.

Впрочем, сейчас ее гораздо больше занимал обойденный претендент на наследство. Слишком уж Сергей Сергеевич был до сих пор положителен, чтобы сие долго длилось, – и чутье, как всегда, не обмануло Амалию. После нескольких ничего не значащих фраз Пенковский уронил:

– Признаться, дорогая кузина, я хотел увидеть вас по делу.

Поскольку они остались одни, Амалия решила, что пора поставить настырного чиновника на место.

– Милостивый государь, – спокойно сказала она, – вы мне не кузен. И я вам не кузина. И никаких дел у нас с вами нет и не может быть. Я ясно выражаюсь, надеюсь?

Пенковский с любопытством покосился на нее, загадочно жмуря свои серые глазки.

– Что ж, должен признаться, что я некоторым образом вас понимаю, – молвил он со смешком. – Однако дело есть дело, и от него никуда не деться. Хотите вы того, госпожа баронесса, или нет, но нам придется договориться.

– Вы хотите отсудить у меня часть наследства? – поинтересовалась Амалия с чарующей улыбкой. – Боюсь, у вас ничего не выйдет, милостивый государь. Я видела завещание и убедилась: оно составлено по всей форме. Должна вас разочаровать, но закон окажется не на вашей стороне.

– О нет, – живо возразил Сергей Сергеевич. – Я уважаю волю крестного отца и не намерен ее оспаривать («Еще бы», – подумала Амалия). Боюсь, я неудачно выразился. Дело, о котором идет речь, касается вовсе не наследства.

– Тогда чего же?

Пенковский глубоко вздохнул.

– Видите ли, госпожа баронесса, – медленно проговорил он. – Покойный Савва Аркадьич выдал мне вексель, срок которого истекает через неделю. Поскольку вы некоторым образом унаследовали все его имущество, то...

И он сделал паузу, которая говорила куда больше любых слов.

– На какую сумму вексель? – осведомилась Амалия, и в глазах ее полыхнули золотые искры.

– Девять тысяч восемьсот рублей, – сообщил Сергей Сергеевич, ласково глядя на нее. – Боюсь, если я не получу по нему в ближайшее время, мне придется подавать в суд. Впрочем, я надеюсь, что нам удастся... прийти к соглашению. Не так ли, госпожа баронесса? Иначе закон, как вы изволили выразиться, окажется на моей стороне.

7

– У меня нет таких денег, – сказала Амалия после крохотной паузы.

– Я вам верю, – легко согласился Пенковский. – Зато у вас есть Синяя долина. Полагаю, вы могли бы выделить мне часть земель – в качестве уплаты долга по векселю.

– Лесами или лугами? – саркастически осведомилась Амалия. – А может, начнем дележ с прудов?

О нет, она вовсе не была жадной, ничего подобного! Корыстолюбие было ей чуждо, хотя наша героиня и была далека от мысли о том, что без средств в современном мире прожить куда легче, чем с ними. Однако она ненавидела, когда ее пытались припереть к стенке и вынудить сделать что-то лишь потому, что этого хотелось противоположной стороне. Пенковский, похоже, даже не понимал, какого врага он приобрел.

– Должен признаться, я не понимаю вас, – проговорил Сергей Сергеевич после недолгого молчания, и сейчас уже никто не смог бы сказать, что он похож на примерного сына. – Я навел о вас справки, госпожа баронесса. По моим сведениям, вы весьма обеспечены, так что заплатить по векселю человека, который завещал вам все, решительно все, не составит для вас труда.

– Я не настолько обеспечена, чтобы разбрасываться десятками тысяч рублей, – отрезала Амалия, которую бессмысленная беседа уже начала утомлять. – Кроме того, я не знаю вообще, о каком векселе вы говорите. Может быть, он существует лишь в вашем воображении, как знать?

– Боюсь, что вексель вполне реален, – кротко возразил Сергей Сергеевич. – И если вы мне не заплатите, не взыщите, *дорогая кузина*, но мне придется подать в суд.

– Покажите вексель, – сухо сказала Амалия, отходя к камину. – Пока я не увижу его, *дорогой кузен*, я не дам вам ни гроша.

Сергей Сергеевич вздохнул с видом человека, чье терпение подвергается незаслуженному испытанию, но, однако, в карман все-таки полез. Из кармана акцизный чиновник извлек вчетверо сложенную бумажку.

– Как видите, все честь по чести, – объявил он. – Девять тысяч восемьсот рублей.

Амалия нахмурилась. Получается, почтенный мировой судья таки подложил своей наследнице свинью, и свинья эта объявилась в облике его крестного сына Пенковского.

За окнами вновь потемнело и глухо что-то зашаркало. Через мгновение снаружи опять принялся лить дождь.

– Я ничего не вижу, – сказала Амалия, щури глаза на вексель. – Откуда мне знать, что там написано?

Сергей Сергеевич подошел ближе и протянул ей бумагу, не выпуская заветный листок из пальцев. Амалия наклонилась и прищурилась еще сильнее. А затем произошло то, о чем Пенковский не любил вспоминать до самого конца своих дней: драгоценный вексель выскользнул у него из пальцев и неизвестно как очутился в руках у баронессы, хотя чиновник и помнил строго-настрого наказ своей жены – ни за что бумагу ей в руки не давать. Амалия посмотрела поверх векселя на Пенковского, и глаза ее сделались совсем золотыми. А в следующее мгновение листок порхнул в огонь, горящий в камине.

– Ой, какая я неловкая! – пропела Амалия.

Сергей Сергеевич взвыл от горя и кинулся спасать вексель. Да куда там! Он лишь обжег руки и едва не спалил сюртук. Листок уже почернел и съежился, а через мгновение от него остались лишь хлопья пепла.

С перекошенным лицом Пенковский обернулся к Амалии.

– Вы... вы... – Он искал слов, которые могли передать то, что он чувствовал, – и не находил.

– Да, я, – спокойно ответила Амалия. – И по совести, вы должны меня поблагодарить.

– Я? – задыхнулся от негодования любитель делить чужие заливные луга и леса.

– За подделку векселя у вас могли бы быть серьезные неприятности, – спокойно отозвалась баронесса. – Или вы так хотите переселиться в Архангельскую губернию?¹⁴

– Что вы себе позволяете? – вскинулся акцизный чиновник. – Сударыня, это... это просто возмутительно! Я... я доложу куда следует! Не думайте, что если вы уничтожили... сожгли... – Он находился в таком состоянии, что готов был броситься на Амалию, но остановился, заметив у нее в руке хлыст.

– Вы, Сергей Сергеевич, глупы, – еще спокойнее проговорила Амалия. – Просто глупы. В следующий раз, когда будете подделывать вексель, помните, что слово «восемьсот» пишется с мягким знаком. Покойный Савва Аркадьич обладал скверным характером, но писал он грамотно и грамматических ошибок не делал. Зря вы взялись не за свое дело, малоуважаемый господин Пенковский. А теперь – убирайтесь из моего дома. – Она указала глазами на дверь. – И чтобы я больше вас здесь не видела!

Бормоча какие-то невнятные ругательства, Пенковский попятился к двери, взялся за ручку, хотел на прощание сказать какую-то дерзость, но покосился на хлыст и передумал.

– Вы за это ответите! – только сдавленно прошипел он. И, чтобы отвести чувства, грохнул дверь с такой силой, что она чуть не слетела с петель.

Амалия пожалала плечами, положила хлыст на место и кликнула Дмитрия. Когда слуга явился, на лице его было написано такое почтение к новой хозяйке, что Амалии хватило одного взгляда, чтобы понять – тот все слышал.

– Дмитрий, когда бы господин Пенковский сюда ни явился, меня для него нет. И для его жены тоже. – Амалия поморщилась и добавила: – Пусть убираются ко всем чертям!

Она не знала, да и знать не могла, что это было одним из любимых выражений покойного судьи. Услышав знакомые слова, Дмитрий вытянулся в струнку, и почтение на его физиономии сменилось выражением прямо-таки священного ужаса.

– И никаких гостей сегодня больше не принима-ть, – продолжила Амалия в сердцах. – Хватит с меня покамест визитеров!

Однако ей все же пришлось принять еще одного гостя. Вернее, гостью. Ближе к вечеру по аллее, усыпанной желтым песком и покрытой лужами после недавнего дождя, проскрипели колеса элегантного ландо. До Амалии донесся глухой голос Дмитрия, но затем он смолк.

Через минуту в дверь заглянула Лизавета, и ее лицо, искаженное страхом, Амалии инстинктивно не понравилось.

– В чем дело? – довольно сухо спросила она, откладывая в сторону том душещипательного романа, изданного в 1807 году.

– Амалия Константиновна... госпожа баронесса... – Лизавета явно не знала, с чего начать. – Там... там... Вы должны это увидеть!

Амалия поднялась с места и вышла в гостиную. Величественная дама в светлом платье, заслышав ее шаги, обернулась. Возле камина стоял, пошатываясь, Дмитрий, и даже сизый нос его побелел от ужаса.

– А... э... – начал он, когда Амалия появилась, но больше ничего не смог сказать и только беспомощно указал на гостью.

– Наконец-то! – воскликнула дама и, прищурясь, оглядела нашу героиню с ног до головы. – Вы его спутница жизни? Может быть, дальняя родственница? Впрочем, неважно. Я Любовь Осиповна Севастьянова, супруга покойного Саввы Аркадьича. И я приехала сюда из Парижа, чтобы вступить в законное владение Синей долиной и прочим имуществом моего безвременно усопшего мужа.

¹⁴ Одно из мест тогдашней ссылки за не самые тяжкие правонарушения.

Глава 2 Юноша

*Одной Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.*
«Евгений Онегин», глава восьмая

*Тут был один диктатор бальный,
Прыгун суровый, должностной;
У стенки фертик молодой
Стоял картинкою журнальной,
Румян, как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим.*
«Евгений Онегин», глава восьмая

1

– Степан Александрович, пойдй сюда!

Бывший акцизный поднял глаза от объявления, которое он составлял для очередной газеты, и неприязненно поджал верхнюю губу. В объявлении указывалось, что всякого, кто укажет местонахождение Натальи Георгиевны Севастьяновой, урожденной Лапиной, скрывшейся из дома 9 сентября 188... года, ждет награда от автора объявления, буде сии сведения окажутся верными. Это, конечно, было куда важнее, чем призыв тетки, поэтому Севастьянов нахмурил брови и стал поправлять текст, который, по его мнению, получился недостаточно выразительным.

– Степан Александрович! – плачущим голосом воззвала Настасья Сильвестровна.

Серенькая кошка по кличке Мышка, которую Севастьянов подобрал в прошлом году у городских ворот, подошла к хозяину и стала тереться о его ногу. Степан Александрович рассеянно погладил животное, которое замурлыкало от его прикосновения, и зачеркнул конец фразы.

– Племянник, ну где же ты? – Произнося сей вопрос, Настасья Сильвестровна вошла к нему в комнату. – Вообрази, что такое! Жена Саввы Аркадьича, оказывается, не умерла!

– Как это? – мрачно спросил Степан Александрович.

– А вот так! – И Настасья Сильвестровна развела руками. – Оказывается, она ушла от мужа, когда они были за границей, и все! Ну Савва-то Аркадьевич, ясное дело, мировой судья, уважаемый человек, ему срам ни к чему, вот он возьми и скажи, что она умерла там. Кто бы проверил, в самом деле! И теперь она вернулась!

– Зачем? – уже в изнеможении осведомился племянник.

– Как зачем? – удивилась Настасья Сильвестровна. – Наследство получить, конечно. А зачем же еще? У нее с тем кавалером и детишки имеются, кажется. Деньги не помешают!

Степан Александрович кашлянул.

– Так ведь Нарышкин все уже завещал своей родственнице, баронессе Корф, – буркнул он. – Разве не так?

– Так-то оно так, – с сомнением ответила Настасья Сильвестровна, – только ведь по закону он не был с ней разведен, с Любовью-то Осиповной. И я так думаю, она за свое поборется. – Женщина вздохнула. – Хотя родственница судьи, баронесса, та еще особа, должна я тебе сказать. Ты слышал, что говорила Марья Никитишна?

– Нет! – огрызнулся Севастьянов, которому городские сплетни были в высшей степени скучны и неприятны.

– Савва Аркадьич покойный, – доложила Настасья Сильвестровна, садясь в кресло и одергивая оборку на платье, – выдал крестному сыну вексель на значительную сумму. Тысяч двадцать, должна тебе сказать. – Настасья Сильвестровна сделала большие глаза. – И вот вчера явился Пенковский к баронессе. Так, мол, и так, есть бумага, пожалте денежки. А она возьми да кинь вексель в огонь.

– В самом деле? – в легком ошеломлении спросил Степан Александрович. – А вексель что, подложный был?

– Ну почему подложный? – обиделась было Настасья Сильвестровна. Но тотчас же заинтересовалась. – А ты что, думаешь, он ненастоящий?

– Я не верю, что судья мог дать Пенковскому бумагу на такую сумму, – коротко ответил Степан Александрович. – Сто рублей – может быть, и то если бы Сергей Сергеевич умирал от голода и начал просить подаяние на паперти.

– Степан Александрович, какие страшные вещи ты говоришь! – переполошилась тетушка. – Но так или иначе, заезжей даме пальца в рот не клади. Марья Никитишна говорит, она как увидела Саввину жену, так у нее в лице ни жилочки не дрогнуло. Ах, говорит, так вы его жена? Очень приятно, но завещание в мою пользу, имение пока принадлежит мне, так что потрудитесь убираться подобру-поздорову.

– А Марья Никитишна что, присутствовала при том разговоре? – раздраженно спросил Севастьянов. – Откуда она знает, что именно госпожа баронесса сказала и как себя вела?

– Конечно, не присутствовала, – в легком изумлении отозвалась Настасья Сильвестровна. – Но ей рассказали!

И она пустилась в длинное и довольно сбивчивое описание дружбы, которая связывает Дмитрия из Синеи долины с дворником Марьи Никитишны, почему, собственно, Марья Никитишна и оказывается в курсе всего, что там творится.

– Я одного не понимаю, тетушка, – спокойно проговорил Степан Александрович, когда она умолкла. – При чем тут мы? Какое нам дело до Любви Осиповны, или до Синеи долины, или...

Настасья Сильвестровна остолбенела.

– Как это какое дело? Степан Александрович, ты меня удивляешь, честное слово! Я двадцать лет была знакома с покойным Саввой Аркадьичем. И его жену, между прочим, тоже хорошо помню. И Синяя долина – великолепное имение, каких осталось в России мало. Разумеется, его судьба мне безразлична. Тем более что петербургская баронесса... совершенно не понятно, что она собой представляет! Вот скажи: какое впечатление она на тебя вчера произвела?

Степан Александрович скривился, как от зубной боли. Вчера два часа кряду он пытался отнекиваться, приводил самые разные доводы, но все оказалось напрасно – почтенная тетушка все-таки вынудила его нанести визит новой хозяйке Синеи долины. Счастье еще, что Севастьянов оказался там не один, и оттого его появление не произвело впечатления неуместной навязчивости, да и так он просто не знал, куда ему деться от смущения. И как будто того было мало – по возвращении домой тетушка подвергла его перекрестному допросу: как петербургская дама держала себя, что говорила, что делала и какие у нее вообще виды на знаменитое имение.

– Любовь Осиповна утверждает, что эта особа – настоящая авантюристка, – с торжеством объявила Настасья Сильвестровна. – Одно то, как она обошлась с бедным Сергеем Сергеевичем...

Степан Александрович закашлялся, посадил Мышку себе на колени и стал гладить ее, с преувеличенным вниманием глядя в окно. Больше всего в то мгновение он хотел, чтобы тетка исчезла куда-нибудь и, по возможности, более никогда не возвращалась.

– Она даже не позволила Любви Осиповне переночевать в собственном доме! – продолжала Настасья Сильвестровна увлеченно. – Бедной женщине пришлось ночью возвращаться в Д. и искать ночлега!

Севастьянов заинтересованно взглянул на тетушку. По правде говоря, чем больше он узнавал о баронессе Корф, тем больше она ему нравилась. Сам он никогда бы не осмелился выставить кого-то, тем более женщину, за дверь, даже если бы мысль о пребывании с ней под одной крышей была совершенно невыносима.

– И где же вдова судьи теперь? – спросил он.

– В «Бель Вю», конечно, – с готовностью отозвалась тетушка. – Кричит, что устроит шум на всю Россию, но все равно отсудит свое имущество. Как ты думаешь, она может?

– Ну, – задумчиво пробормотал Степан Александрович, почесывая правой рукой левую бакенбарду, – насколько я ее помню, с нее станется.

Настасья Сильвестровна с укором поглядела на него.

– О! Мужчины! Так я и знала, что она тебе не по душе, потому что ушла от судьи. Но подумай сам: он совсем старик, а она – молодая женщина!

– Что ж она тогда выходила замуж за старика? – с раздражением, какого сам от себя не ожидал, спросил Степан Александрович. – Он ведь не за один день после свадьбы постарел!

Тетушка всплеснула руками, показывая, что племянник решительно, совершенно не хочет ничего понимать. Но тут вошел лакей Андриюшка и доложил, что Вера Дмитриевна пришла.

– Ах! Прекрасно! Прекрасно! – оживилась тетушка. – Зови!

Она уже предвкушала, как они со Степаном и Верой Дмитриевной будут перемывать косточки баронессе Корф и так кстати воскресшей Любви Осиповне, но у Севастьянова, по видимому, были свои планы. Он ссадил кошку на пол, поднялся и буркнул, что ему пора нести объявления на почту.

– Степан Александрович! – горестно воскликнула тетушка. – Ну что ж это такое? Ведь невежливо же, невоспитанно, просто моветон какой-то!

Но племянник уже скрылся за дверью. Кошка покрутилась в солнечном луче и улеглась на пол, щурясь на старую женщину в кружевном чепце.

– А ты вообще молчи! – сердито сказала ей Настасья Сильвестровна.

Вошла Вера Дмитриевна, хорошенькая темноволосая девушка, которая жила по соседству с домом Севастьянова. У нее были блестящие ореховые глаза, маленькие розоватые ушки и очаровательная улыбка. Настасья Сильвестровна ничего так не желала, как увидеть дорогую Верочку женой Степана, но тут имелись две сложности: во-первых, племянник до сих пор, несмотря на бегство неверной супруги, числился женатым, и, во-вторых, он не питал к Вере совершенно никаких чувств, кроме дружеских. Повздохав, Настасья Сильвестровна решила, что мужчины сами не видят своего счастья, и раз так, она сама обязана сделать все, чтобы открыть Степану глаза. Для начала она на всякий случай свела дружбу с секретарем консистории¹⁵ и стала изучать российские законы, в которых говорилось о разводе.

– Ах, Настасья Сильвестровна, – быстро заговорила Вера Дмитриевна, – вы уже знаете про Любовь Осиповну? Просто уму непостижимо, не правда ли? А вексель Сергея Сергеевича? Тридцать тысяч бедного Пенковского в камине сгорели!

– А мне говорили, только двадцать... – вскинулась Настасья Сильвестровна, и обе женщины с увлечением принялись обсуждать то, что произошло вчера в Синеи долине.

¹⁵ Бракоразводные дела в то время проводились через консистории, члены которых, бывало, брали за ускорение процедуры развода большие взятки.

2

В этот час почтовое отделение было почти пусто. Кроме почтмейстера Федота Федотыча, который зевал за перегородкой, в помещении находился лишь один доктор Никандров, который справлялся, не было ли для него писем до востребования.

Степан Александрович вошел в дверь, хмуро покосился на доктора и, подойдя к Федоту Федотычу, попросил три конверта.

– Все объявления рассылаете? – притворно вздохнул почтмейстер, подавая ему конверты.

Севастьянов быстро вскинул на него глаза и ничего не ответил. Затем сел за стол и начал было писать адреса, когда Никандров неожиданно подошел к нему и протянул руку. Удивленный Севастьянов поднял голову.

– Прошу прощения, если вы сочтете меня навязчивым, – быстро проговорил доктор, – но, будучи наслышан о вашей беде... – Он покосился на почтмейстера (тот сидел с таким видом, словно, кроме мух, его ничто не интересовало), сел рядом со Степаном и быстрым шепотом продолжил: – Я очень хорошо понимаю, каково вам приходится. Ведь и я сам... – Владислав Иванович горестно усмехнулся, – вовсе не для здоровья сюда приехал, а чтобы забыть ее, проклятую.

Минуту Севастьянов смотрел на него, не понимая.

– Позвольте, – начал он, испытывая одновременно мучительную неловкость и странное, ни с чем не сравнимое облегчение, – так вы что же, тоже...

– Никогда ее не обижал, даже в мыслях, – горячо зашептал доктор, и его правильное, породистое лицо исказилось страданием. – И вдруг появился какой-то актер, прости господи... Я-то думал, что моя жена в театр зачастила, а разгадка оказалась очень простой. И она ушла. Ушла и ничего с собой не взяла. Нет, ну посудите сами: как же так можно? Я врач, у меня практика, репутация, больные все обо мне знают, и тут такое...

– Моя тоже ничего с собой не взяла, – буркнул Севастьянов и щекой дернул. – Я и не подозревал даже. Понял уже утром, когда она не вернулась.

– Как же все случилось?

– Жена Пенковского устраивала вечер, – мрачно объяснил Степан Александрович. – Она у нас тут, знаете ли, большая мастерица устраивать всякие суарэ-фикс¹⁶. А у меня даже предчувствия не было никакого... Хотя с тех пор, как я расторг помолвку, знаю, она меня невзлюбила.

– Это Ольга Пантелеевна? – спросил доктор с сочувствием.

– Она. Я собирался на ней жениться, но потом встретил Натали и... Словом, не устоял. Но Оленька потом вышла за Пенковского, моего сослуживца, и брак у них, по-моему, вполне удачный, хоть и детей бог не послал. И она нас пригласила на вечер... Полгорода у нее собралось, по-моему. Натали казалась такой веселой, и я даже не мог себе представить... – Степан Александрович умолк. – Сказала, что ей стало душно в доме и она пойдет прогуляться. Вот так и ушла.

– Я вам глубоко сочувствую, – вздохнул доктор. – Тоже какой-нибудь актер, наверное? Хотя в такой глуши...

Степан Александрович покачал головой. Глаза его потемнели.

– Нет, не актер. Потом уже я все вспомнил... Она его в Д. встретила и еще так обрадовалась. Но на вечере его не было... предосторожности ради, наверное... Он военный, гусар... Она всегда к военным равнодушна была.

– Вы пытались его найти? – спросил доктор.

¹⁶ Званые вечера (от франц. soirées fixes)

– Пытался. Но он исчез... как сквозь землю провалился.

Доктор кивнул.

– Я свою жену тоже пытался найти, – признался он. – Оставил дворнику адрес, чтобы все письма мне сюда пересылали, до востребования... Вдруг она передумает и вернется? Потому что это... – доктор сделал усилие, чтобы продолжить, – это невыносимо. Просто невыносимо... Какой-то актер... ничтожество...

Севастьянов поглядел на него и подумал, что, если бы жена Никандрова сбежала к какому-нибудь министру, он не так сильно переживал бы нанесенную ему обиду. Но тут Степану Александровичу стало стыдно своих мыслей, и он отвел глаза.

– И давно несчастье с вами случилось? – спросил доктор.

Степан Александрович кивнул.

– Давно... да. Четыре года и восемь месяцев... даже чуть больше.

– По нашим законам пятилетняя безвестная отлучка дает право на развод¹⁷, – вздохнул Владислав Иванович.

– Да, тетушка мне уже говорила, – поморщился Севастьянов.

Но доктор, как оказалось, имел в виду вовсе не его ситуацию.

– Не знаю, хватит ли у меня сил столько ждать, – проговорил Никандров, глядя куда-то в угол потухшим взором. – Моя жена так меня скомпрометировала... Но самое ужасное, что я ее до сих пор люблю. Если бы она вернулась... я бы, наверное, все ей простил. Вы понимаете меня?

Степан ничего не сказал, только крепко сжал губы и кивнул. Доктор оглянулся на Федота Федотыча, который за своей перегородкой весь обратился в слух, поморщился и поднялся с места.

– Однако мне пора. Простите, если я был сегодня... чересчур говорлив... Просто иногда на меня накатывает. Передавайте вашей тетушке мое почтение.

Мужчины обменялись крепким рукопожатием, и Никандров ушел. Выходя из здания почты, он несколько раз кашлянул, и Севастьянов подумал, что, хоть доктор и уверяет, что не болен, ему явно стоит поберечь себя. Да и цвет лица у Владислава Ивановича неважный.

Попрощавшись с Севастьяновым, доктор пошел обратно в «Бель Вю», где снимал отдельный номер, но внезапно из-за угла вылетел вихрь, который едва не сбил его с ног. Сам вихрь был белого цвета и передвигался на четырех копытах, а на спине у него восседала всадница в лиловой амазонке.

– Доктор! – сердито вырвалось у дамы в амазонке. – Я же могла ушибить вас!

На почте Федот Федотыч вытянул шею еще сильнее и с любопытством уставился за окно.

– Что творится, что творится! – произнес почтмейстер сокрушенно, качая головой. – Видели, как хозяйка Синея долины чуть бедного доктора насмерть не зашибла?

Степан Александрович обернулся и тоже поглядел за окно.

– По-моему, с доктором ничего не случилось, – отозвался он, пожимая плечами.

Вихрь меж тем продолжил свое движение и остановился возле почтамта. Хлопнула дверь, взвизгнул колокольчик, разинул рот почтенный Федот Федотыч. Через мгновение дама в лиловой амазонке уже стояла возле прилавка и, положив на него хлыст, стаскивала перчатки, подобранные строго в тон одежде.

– Мне надо отправить телеграмму, – сказала Амалия. – В Петербург.

Почтмейстер все же нашел в себе силы, чтобы закрыть рот, но тотчас же открыл его снова – правда, для того лишь, чтобы объявить, что он сочтет для себя честью принять телеграмму от столь замечательной дамы. Амалия взяла бланк и, так как в отделении был всего один стол, села напротив Севастьянова, который смотрел на нее во все глаза.

¹⁷ 54 статья X тома Гражданского судопроизводства Российской империи.

– Это Мушкетер? – спросил он после обычных приветствий, кивая на лошадь возле почтамта. – Покойный судья не мог с ним сладить, никак нельзя было заставить его ходить под седлом. Слишком горяч и объезжен дурно.

– Прекрасно объезжен, – возразила Амалия, заполняя бланк (или, как говорили в те времена, бланок). – Седло, впрочем, никуда не годится. Где-нибудь в городе можно купить приличное седло?

– Думаю, да, – кивнул Степан Александрович. – У Маврикия Алпатыча можно найти все что угодно. Его лавка с желтой вывеской через четыре дома, по этой стороне.

– Благодарю вас, – очень вежливо ответила Амалия.

– А ваш муж – военный, сударыня? – внезапно спросил Севастьянов.

Карие глаза с золотыми искорками обратились на него.

– Да, – ответила Амалия, не вдаваясь в подробности, – военный.

– Скажите, сударыня, а возможно ли... – Степан Александрович оглянулся на почтмейстера и наклонился к молодой женщине через стол. – Возможно ли отыскать военного, если... если известна только его фамилия и род войск, но не известен ни полк, ни чин, ни что-либо еще?

– Разумеется, – отозвалась Амалия. – Все списки личного состава имеются в военном министерстве. Вы хотите кого-то отыскать?

На лице Севастьянова отразилась видимая борьба.

– Нет, – внезапно проговорил он. – Я... я лишь спросил.

– Если вам очень нужно, – мягко сказала Амалия, которая уже успела узнать от Лизаветы историю бегства жены Севастьянова с каким-то гусаром, – я могу попросить мужа, он наведет справки. Официальным путем это будет сделать гораздо труднее, особенно если ни чин, ни полк не известны.

Амалия не стала уточнять, что просить она будет вовсе не мужа, а совсем другого человека, своего старого знакомого из сыскной полиции, для которого в архивах любого министерства не имелось никаких тайн. Да Севастьянову, наверное, и не нужны были такие детали. Он поблагодарил Амалию и повторил, что не имеет намерения обременять ее просьбой об одолжении.

Молодая женщина не стала настаивать. Проверив, все ли она написала, что было нужно, Амалия встала с места и отнесла заполненный бланк почтмейстеру. Прочитав текст, почтенный Федот Федотыч только крикнул, но не выразил ни малейшего удивления, хотя всякий другой человек на его месте точно бы изумился. Ибо телеграмма, которую Амалия посылала своей матери в Петербург, гласила:

**«МЕРТВАЯ ЖЕНА СУДЬИ ВОСКРЕСЛА
МОЖЕТ ПОНАДОБИТЬСЯ ПОМОЩЬ АДВОКАТА
ЛЮБЯЩАЯ ВАС АМАЛИЯ»**

Новая владелица Синея долины заплатила за доставку телеграммы по адресу и, забрав перчатки и хлыст, покинула почтамт.

3

Снаружи вовсю полыхало майское солнце. Амалия потрепала по холке Мушкетера, который косил на нее большим черным глазом, и, взяв коня под уздцы, повела его за собой. Раз лавка всего через четыре дома, можно и не садиться обратно в седло.

Настроение у Амалии было преотличное.

Во-первых, приятно, что она несколько не ошибалась в своем понимании людей. Наследство, столь неожиданно свалившееся ей на голову, и в самом деле оказалось с подвохом, хоть и не с таким, как она предполагала вначале. Почтенный Савва Аркадьич завещал ей свое имущество не зря – он не без оснований полагал, что у богатой столичной дамы окажется более чем достаточно средств, чтобы помешать изменнице-жене завладеть богатством после его кончины. И, думая о старом судье, которого она никогда в жизни не видела и не увидит теперь до самого Страшного суда, Амалия чувствовала, как ее губы безо всякой причины складываются в улыбку. По ее мнению, Савва Аркадьич проявил отменно тонкое коварство и недюжинный ум, а баронесса умела ценить эти качества.

Во-вторых, что было особенно удивительно для женщины, которая любой, самой идиллической глуши предпочитала большие города, Амалия неожиданно для себя влюбилась в Синюю долину. Это была не любовь по расчету, а честная, искренняя привязанность, которая, может быть, родилась, когда нынешним утром Амалия увидела вышедшего из леса пятнистого олененка. Он подошел к усадьбе и недоверчиво понюхал тряпки, которые развешивала сушиться Лизавета. Та звонко засмеялась и махнула на него рукой. Олененок отбежал на несколько шагов, но не торопился скрыться в лесу. Позже Амалия увидела, как Лизавета дает олененку кусочек хлеба и он ест, смешно вытягивая тонкую шею.

«Надо бы мне поближе ознакомиться с моими владениями, – размышляла Амалия. – Пелагея говорит, что мельница совсем развалилась, потому что судья никому не давал ею пользоваться. Дмитрий еще, помнится, жаловался на браконьеров... Ну, уж их-то я не потерплю!»

Она увидела желтую вывеску и, привязав Мушкетера снаружи, вошла. Бодро звякнул колокольчик: тиль-диль-дон. В лавке, заставленной снизу доверху всевозможным товаром, царил полумрак, и глаза Амалии не сразу привыкли к нему. Впрочем, она все же отметила, что в лавке нет ни единой живой души.

– Эй, – на всякий случай окликнула она, – есть тут кто-нибудь?

Под прилавком что-то завозилось. Заинтригованная Амалия подошла ближе, и тут из-под прилавка вынырнул долговязый юноша, головы на две выше нашей героини. Он был рыжий, отчаянно курносый, с девичьим румянцем и белой кожей, густо усыпанной веснушками. В руке юноша держал помятую книжку.

– Простите, сударыня, – начал веснушчатый, часто-часто хлопая рыжими ресницами, – я...

Амалия поглядела на книжку. Юноша покраснел и уронил последнюю, после чего полез под прилавок вторично. По пути он опрокинул чайник, у которого, задребезжав, отвалилась крышка. Веснушчатый приладил ее на место, но тут локтем повалил пирамиду мыла, и куски его разлетелись по полу.

– Ой! – воскликнул он сокрушенно, глядя на произведенный разгром.

Как Амалия ни пыталась удержаться от улыбки, все же ей не удалось. Однако надо было спасти непутевого юношу, тем более что мог вернуться строгий хозяин или приказчик и от души накостылять ему по шее за нерадивость.

– Дайте сюда, – велела Амалия, протягивая ладонь. – И спокойно собирайте мыло. Я подожду.

Рыжий юноша робко покосился на посетительницу, на книгу и с опаской вручил Амалии свое сокровище, после чего стал собирать мыло. Пару раз он едва не поскользнулся на его кусках, но, в общем, все обошлось благополучно.

Пока он складывал липкие куски казанского мыла обратно в пирамиду (которая на сей раз получилась перекошенной и, прямо скажем, весьма сюрреалистичной), Амалия развернула книгу, которая так увлекла юношу, и поглядела на заглавие. Это был какой-то детективно-приключенческий роман без особой претензии на реализм. Пролистав несколько страниц, Амалия уже встретила на них мрачное подземелье, спасенную девицу неземной красоты, какого-то Родриго, дравшегося на дуэли с Эрнесто, пару кровожадных злодеев с мрачными физиономиями и много-много расхожих штампов, которые помогают авторам подобного чтива не утруждать себя необходимостью задумываться над тем, что же именно они пишут. Амалия захлопнула книгу и пристально посмотрела на юношу, который стоял перед ней, украдкой вытирая испачканные мылом ладони об одежду.

«Ну да, конечно, все это вздор, – думала меж тем баронесса, – тем более что ты сама знаешь: в жизни злодеи выглядят совершенно так же, как и обычные люди, и не надо никакого подземелья, чтобы попасть в безвыходное положение... Но к чему быть высокомерной, если какому-то отдельно взятому человеку эти сказки помогают жить, дают какую-то надежду в мире, где нет ничего, кроме лавки, гнусного хозяина, который шпыняет его по поводу и без повода, и придирчивых покупателей? Ему бы в гимназии учиться, расширять кругозор, а вместо нее сплошные «чего изволите?», мелкий обман и мелкий обсчет по приказу хозяина... И если плохая книга помогает ему выжить, что ж – пусть безвестный автор под псевдонимом Леопольд д'Аркур пишет свои романы... Потому что давать скверную надежду лучше, чем не давать никакой, потому что тогда уж остается только повеситься».

Не подозревая о том, какие именно мысли роятся у покупательницы в голове, рыжий юноша стоял и думал сразу о тысяче вещей. Во-первых, он думал о том, что вел себя совершенно по-дурацки, во-вторых, что надо было бы ему быть одетым поприличнее, и, в-третьих, ему ужасно повезло, что его заставили остаться в лавке именно сейчас, хоть он и совершенно не хотел.

Амалия протянула ему книгу и спросила.

– Любите читать?

Рыжий кивнул два раза подряд, не сводя с нее глаз.

– Это хорошо, – одобрила Амалия. – А где хозяин, Маврикий Алпатыч?

– Он с Петром Ивановичем сейчас, – сказал юноша, застенчиво косясь на нее.

Ого, как интересно. Уж не с тем ли Петром Ивановичем, что вчера рассказывал ей про ее наследство? Да нет, не обязательно, все-таки имя и отчество очень распространенные...

– То есть с Калминым, поверенным? – спросила Амалия небрежно, улыбаясь и глядя веснушчатому прямо в глаза.

– Да-да, – обрадовался тот. – А вы его знаете?

– Конечно, знаю, – подтвердила Амалия, сделав вид, что рассматривает товар в лавке, – кто же его не знает?..

Стало быть, вчера Петр Иванович намекал ей, что надо взять новых слуг или хотя бы управляющего, а уже сегодня секретничает всюю с купцом-миллионщиком. Если не сердце, то здравый смысл подсказывал Амалии, что все это неспроста... а Амалия привыкла доверять своему здравому смыслу.

– Вам угодно приобрести что-нибудь? – нарушил молчание юноша.

Он улыбнулся, и на щеках его показались ямочки. Вообще он производил очень славное впечатление, но Амалия про себя решила, что дважды проверит счет, чтобы славный молодой человек ее не надул.

– Да, – ответила она на вопрос своего собеседника. – Мне нужны... – она сделала легкую паузу, собираясь с мыслями, – бумага и чернила. И хорошее дамское седло.

Рыжий юноша задумался и рассеянно почесал книжкой в затылке, но тотчас же сконфузился и опустил руку.

– Бумага есть, – доложил он. – И чернила тоже. А вот седло... – молодой человек вздохнул. – В другой лавке имеется. Очень, очень хорошее.

– Английское?

Веснушчатый кивнул.

– Если хотите, – предложил он, видя, что Амалия колеблется, – я могу за ним послать. Тут недалеко.

– Хорошо, – внезапно решила молодая женщина. – Посылайте.

Рыжий метнулся в комнату за лавкой, крикнул какого-то мальчика, и через минуту тот убежал с поручением доставить седло. Краснея, юноша вернулся к Амалии, покосился на нее и спрятал книжку под прилавок, в кучу кружев и прочих дамских пустяков.

– Я вас не видел раньше в нашем городе, – сказал он, делая героическую попытку завязать светскую беседу.

– Это потому, что раньше я была в другом месте, – безмятежно отозвалась Амалия. Фраза прозвучала во вполне романном стиле и должна была понравиться ее собеседнику.

– А... – Он поглядел на ее руки, не увидел на них обручального кольца и собрался с духом. – Вы надолго в наши места?

– Как получится, – ответила Амалия чистейшую правду. – А Маврикий Алпатыч что, болен? Зачем ему поверенный, завещание писать?

– Болен? – ужаснулся рыжий и даже рот открыл. – Что вы, сударыня! Нет, с ним все хорошо. Просто он хочет Синюю долину приобрести, ну и вот...

«Однако! – гулко молвил кто-то в голове Амалии. – Как, *интересно*, он хочет ее приобрести, если я не собираюсь ее продавать?»

– А ведь с Синей долиной хлопот не оберешься, – произнесла вслух коварная Амалия. – Сейчас же вроде эта... вдова судьи, которая вернулась, тяжбу затеять хочет. Разве нет? И охота Маврикию Алпатычу возиться...

– Я тоже так думал сначала, – кивнул юноша. – Но Петр Иванович говорит, в законах есть какая-то штука, по которой вдова может уступить ему право на наследство – за деньги, конечно, – а он будет ее интересы защищать. И если выиграет дело, Синяя долина достанется ему.

Тут, признаться, коварной Амалии даже улыбаться расхотелось. Нет, судите сами: одно дело в Российской империи – судиться с ветреной вдовой, ничего собой не представляющей, и совсем другое – сцепиться с миллионщиком, который все свои деньги употребит на то, чтобы вам досадить и настоять на своем. Но тут – весьма кстати, надо признаться, – вернулся мальчик, таща на плече элегантное дамское седло. Он сбросил седло на прилавок, с любопытством покосился на Амалию и, повернувшись к рыжему, сипло выпалил:

– Маврикий велел, чтобы ты меньше чем за пятьдесят целковых не отдавал!

– Иди уж! – отмахнулся юноша, и мальчик скрылся во внутренней комнате.

«Не куплю», – в сердцах решила Амалия. И в самом деле, что такое? Сегодня она выложит свои пятьдесят рублей, а завтра те же денги пойдут на оплату услуг какого-нибудь пронырливого Петра Ивановича, который станет выступать против нее.

– Нет, пятьдесят рублей – слишком дорого, – объявила она. – Дайте мне бумагу и чернила, и я пойду.

На лице рыжего изобразилась самая настоящая растерянность. Не взрослая растерянность человека, который надеялся на выгодный барыш, а его оставили с носом, – а какая-то

детская, немного обиженная растерянность, заметив которую, Амалия почувствовала невольный укол совести.

– Конечно, пятьдесят рублей – слишком дорого... тут хозяин того, заломил... – забормотал юноша, затем глубоко вздохнул и спросил с надеждой: – Может быть, сорок? Или... или тридцать пять? Все-таки седло хорошее, английское...

Молодой человек сделал шаг к седлу, и вдруг его нога поехала на куске мыла, который он забыл поднять и вернуть в пирамиду. Рыжий покачнулся и, ища опоры, взмахнул руками, ухватился за Амалию...

Если бы в то мгновение в лавку вошла Марья Никитишна или, не дай бог, Настасья Сильвестровна, весь Д. уже ввечеру был бы извещен о том, что рыжий недоросль из лавки Маврикия Алпатыча обнимал заезжую даму в лиловом, которая определенно потеряла всякий стыд и даже подобие оного. Но, к счастью, Марья Никитишна и Настасья Сильвестровна оказались достаточно далеко от лавки, чтобы не догадываться о том, что в ней происходит.

Амалия сердито взглянула на юношу снизу вверх, и тот сразу же убрал руки, прошептал, весь красный как рак:

– Ради бога, простите, сударыня... Я... я... – Он наклонился и поспешно подобрал злополучный кусок мыла. Рыжие ресницы дрожали, как будто юноша готов был расплакаться.

Амалии стало его жаль.

– Хорошо, я возьму седло, – сказала она мягко. – Не забудьте бумагу и чернила. Только не разлейте, хорошо? Мне почему-то кажется, что с вами постоянно происходят всякие такие... казусы...

Рыжий исподлобья взглянул на нее, увидел, что она больше не сердится или, во всяком случае, сердится гораздо меньше, и немного успокоился.

– Не всегда, – ответил он на ее замечание, доставая с полки чернильницу и пачку бумаги. – Только папенька очень злится, когда такое происходит.

– Папенька? – машинально переспросила Амалия.

– Ну да, – подтвердил рыжий, – Маврикий Алпатыч. Я Антон, его сын.

4

Дама в лиловой амазонке с любопытством поглядела на недоросля.

Сквозь пыльное окно, заставленное штуками материи, пробился солнечный луч и стал искать подходящего местечка, чтобы приземлиться. Он отверг пузатый самовар, почтительно обогнул портрет Александра III, миновал скособоченную мыльную пирамиду и, устав плутать, приземлился на веснушчатой щеке.

– Сколько с меня? – спросила Амалия.

Рыжий на мгновение задумался и даже глаз зажмурил.

– Тридцать пять рублей за седло, сорок копеек за чернила, пятьдесят – за бумагу, – перечислил он вслух. – Итого тридцать пять рублей девяносто копеек.

– Вы всегда в уме так хорошо считаете? – не удержалась Амалия.

– Я четыре класса гимназии кончил, – объяснил Антон.

На языке у нее вертелся вопрос: «А почему не больше?» – но, понимая, что ее вопрос образования юноши ни в малейшей степени не касается, она все же удержалась от того, чтобы произнести его вслух.

Амалия расплатилась, но тут веснушчатый пожелал лично помочь ей с седлом и, вынеся наружу, кое-как взвалил его на Мушкетера. Амалия взяла коня под уздцы.

– Если вам понадобится еще что-нибудь... – начал юный продавец, краснея.

– Да, я уже знаю, к кому мне обратиться, – улыбнулась Амалия. – До свидания.

Молодой человек поглядел, как она удаляется – тонкая, прямая, держа в руке хлыстик и сверток с покупками, – и, только когда Амалия скрылась из виду, со вздохом побрел обратно в лавку.

«Надо было оставить седло в лавке и велеть Дмитрию потом за ним заехать», – размышляла Амалия. По правде говоря, ей не давало покоя то, что она некоторым образом провела этого мальчика, выведав у него то, о чем он наверняка не сказал бы, если бы знал, кто она такая.

Мушкетер мотнул головой и чихнул.

«А, ладно, – решила Амалия, – на войне, а также в денежных делах как на войне. Все это вздор».

За городом она переменяла седло Мушкетеру, а старое выбросила. По правде говоря, оно уже давно никуда не годилось. Что же до нового седла, то, на взгляд Амалии, оно стоило все-таки побольше, чем тридцать пять рублей, так что домой она приехала в отличном настроении.

– Дмитрий! За время моего отсутствия никто не появлялся?

– Нет, госпожа баронесса.

– Вот и прекрасно! Пусть подают на стол...

Дмитрий рысцой помчался выполнять барское приказание, а Амалия пошла к себе переодеться. Когда она сошла в столовую, от ее взора не ускользнуло, что на стол были поставлены расписные тарелки из старинного сервиза, хотя сама она ни о чем таком не просила. Прислуга явно стремилась ей угодить. Или же считала, что она тут надолго?

– Дмитрий, я собираюсь после обеда, если дождя не будет, прокатиться и кое-что посмотреть. Ты едешь со мной.

После обеда небо выдалось почти ясное, и поэтому Амалия вновь села на Мушкетера, а слуга, хоть и не без труда, взгромоздился на самого смиренного старого коня судьи, который мог ходить под седлом. Чтобы не пугать Дмитрия, Амалия поехала шагом.

Навстречу им попался пятнистый олененок, тот же, что подходил к дому утром. Амалия невольно улыбнулась. Чем-то – то ли рыжеватым окрасом, то ли пятнышками, то ли любопытным взглядом – олененок напомнил ей сегодняшнего знакомого, рыжего Антошу из лавки.

– Лес сейчас кончится... Зверья тут видимо-невидимо, может, потому, что старый судья никому охотиться не разрешал. А вот-с, изволите ли видеть, озеро... Местные его Русалочьим называют, да только никаких русалок тут никто не видел, ясное дело. Так, байки одни, – прибавил Дмитрий солидно. Сам он, впрочем, отлично помнил, как однажды, после того как он хорошо погулял на крестинах у одного знакомого, из озера вышла русалка и стала упрашивать его спуститься к ней. Но Дмитрий, хоть и был пьян как зюзя, не соблазнился ее предложением.

На поверхности озера покачивались кувшинки. Амалия поглядела на них и вздохнула. Неужели вся эта красота ее?

– А там что? – спросила она, указывая хлыстом в другую сторону.

– Там болото, сударыня. Такая топь, что никто туда не забредает... Раз там Петька-браконьер увяз, да так и пропал, бедняга. Жена его с пятью детьми одна осталась.

– Озеро, болото, река, еще одна река, – перечислила Амалия. – И на тех бумагах, которые Петр Иванович показывал, граница владений проходит как раз по воде. Верно?

– Истинно так, сударыня, только вода в последнее время что-то отступать стала... Видите, какие высокие у озера берега? Раньше ведь не так было. И на речках возле Синея долины – раньше было всего четыре брода, а теперь чуть ли не дюжина. Уходит вода... И рыба обмельчала, сударыня. Раньше щука с руку величиной – тьфу, а теперь постараться приходится, чтобы такую поймать.

– Ну, полно, – сказала Амалия. – На наш век рыбы все равно хватит... Поехали лучше мельницу смотреть.

– Это в той стороне, – отозвался Дмитрий, поворачивая лошадь.

Они проехали с полверсты, когда им навстречу попался высокий сухопарый старичок с корзиной, из которой торчали пучки травы. Старичок строго взглянул на Амалию из-под кустистых бровей и поклонился ей, сняв картуз.

– Егор Галактионыч, – поторопился представить старика Дмитрий. – Святой человек. Мяса не ест, спиртного в рот не берет, табак тоже отвергает. Зато про травы и про грибы все знает – к чему какая трава, какие грибы полезные, а какие лучше обходить стороной. К нему все бабы из Рябиновки бегают лечиться.

«Ага, а земскому доктору потом приходится стараться за двоих», – подумала Амалия. Как и многие образованные люди, она была не самого высокого мнения о народной медицине.

– Здравствуй, сударыня моя, – сказал старичок скрипучим голосом. – Ничего, что я по леску-то твоему хожу, травки собираю? Я не браконьер какой, человек смирный. И покойный судья мне разрешал тут ходить.

Дмитрий смущенно крякнул и почесал сизый нос. Даже если бы судья вздумал запретить смирному Егору Галактионовичу ходить по своим владениям, старик вряд ли бы послушался его. Это был человек, которого никто не смог бы заставить своротить с избранного им пути, особенно когда он считал, что правда на его стороне.

– А одуванчики вам на что? – спросила Амалия, указывая на желтые головки и листья, торчащие из корзины.

– У каждого растения свой толк и своя польза, сударыня, – начал степенно объяснять словоохотливый старичок. – Одуванчик хорошо помогает от бессонницы, а также от желтухи и легкие очищает. Первоцвет незаменим от кашля и при чахотке. Царская свечка и мать-и-мачеха помогают при простуде. Росянка хороша для выведения бородавок... Лапчатка – от расстройства желудка. Ночная фиалка помогает при отравлении и еще ежели кость какую проглотил. Цветы черемухи спасают от глазных хворей. Хвощ, который многие по незнанию презирают, помогает при ревматизме, а также залечивать раны и язвы животных. Отвар цветов кувшинки лечит зубную боль, а лопух помогает при лишае или парше. Донник хорош для припарок при нарывах, и не только... Из земляничных листьев, ежели их должным образом приготовить, получается такой чай, который обычному чаю не чета. Ну да что тут говорить...

По милосердию божьему все в природе есть, чтобы человек жил да радовался, а он сам себе нагадить норовит. – И без перехода старичок вдруг спросил: – Правда, что ль, что жена Саввы Аркадьича вернулась? Али брешут люди?

– Какое... – горько отозвался Дмитрий. – Приехала живехонька, и ничего ей не сделалось.

– Эх, эх... – поморщился старик. – Вот, значит, отчего судья в последние годы ничего, кроме роз своих, видеть не желал... Хотя роза – пустяковый цветок. Из нее разве что хранцузы духи делают...

– Извините, Егор Галактионович, нам пора, – вмешалась Амалия. – Мы еще должны сегодня на мельницу успеть, а в небе что-то тучки собираются... Не хотелось бы попасть под дождь.

– И не будет сегодня никакого дождя, – отмахнулся старик. – Потому как цветочки мокрицы раскрылись. Ежели б не раскрылись до 9-го часу утра, значит, днем быть дождю. Такая травка, что почище любого барометра будет... Прощевайте, сударыня. Будьте здоровы...

Амалия тронула поводья и вслед за Дмитрием двинулась прочь по узкой тропинке. Еще через полверсты всадники подъехали к старой мельнице. Амалия оглядела ее и поморщилась.

– Да, давненько тут никого не было...

– Давненько, сударыня, – подтвердил Дмитрий. – Тут Петька раньше мельником был, пока судья его не выгнал... за душегубство.

– Какой Петька? – машинально спросила Амалия.

– Да тот, что потом в болоте утоп... Нехорошее место, сударыня. – Дмитрий поежился. – И труп как раз здесь нашли...

– Что за труп?

– А бог весть... Проезжий человек какой-то. Колесо его подцепило мельничное, так он и выскочил из воды... на колесе, значит... Бабы подняли вой, сразу же к уряднику, то да се... Следователя у нас тогда не было, пришлось Савве Аркадьичу его заменять. Думали, кто-то из своих по дурости утонул, ан нет, незнакомый человек. Вся голова разбита... вместо лица каша, а в карманах – ничего, ну совсем ничегошеньки. И по одежде не понять, кто, но не барин, точно... Бились-бились, искали-искали, а так и не поняли, кто это мог быть. В городе никто не пропадал, в Рябиновке тоже... Похоже, ограбили беднягу, да и убили. А Петька как раз незадолго до того в ресторации крепко гулял. Судья его к себе вызвал, в чем дело, мол. А тот сказал, что на дороге кошелек нашел, с шестьюдесятью рублями. Савва Аркадьич и так его, и этак расспрашивал... А Петька – человек отчаянный, не зря мельником был... способен был на такое. Наверняка он убил да в воду и бросил, само собой... и уж не его вина, что к нему-то обратно приплыло... Его оправдали, вроде как за недостатком улик, но судья после вызвал его к себе и велел убираться с мельницы. Мол, вина твоя хоть и не доказана, но видеть я тебя не хочу и духу твоего здесь чтобы не было. Ну, Петька в браконьеры подался, чтобы судье насолить, а тот его сажать стал. Раз, другой... А потом Петька пропал, и только возле трясины его ружьецо нашли через месяц. Позже, к зиме уж, болото подсохло маленько, ну и того... вытащили его...

Да, вспомнила Амалия. И в самом деле, Савва Аркадьич писал что-то такое в своем дневнике, просто она в тот момент отвлеклась и не обратила на тот странный случай должного внимания. Надо будет перечитать те записи в дневнике покойного судьи, где говорится о происшествии на мельнице.

5

Из дневника Саввы Аркадьевича Нарышкина

«16 сентября. На судебного следователя Замятина поступила жалоба. Целыми днями дует водку, подлец, в месяц имеет 250 целковых и ни черта не делает. Накричал недавно на крестьянина Нифонтова, который выступал свидетелем, и будто бы по лицу его ударил. Вроде хотят перевести Замятина в другой уезд, чтобы замять дело (эх я скаламбурил!). И очень хорошо. Хотя я бы его упек по 119-й, чтобы впредь руками не размахивал.

24 сентября. Еле-еле отделались от Замятина. Прощаясь со мной, был очень ехиден и намекнул о том, что пострадал за правду среди сребролюбцев и взяточников. Жаль, что я только мировой, уж я посадил бы его за оскорбление при исполнении. Из-за этого молокососа сердце болело всю ночь.

25 сентября. Вспоминал Ниццу, самую первую поездку. Плакал. Осел я, да и только.

28 сентября. Встретил сегодня Егора Галактионовича. Лучше бы не встречал. Напустился на меня за то, что засадил в холодную двух его знакомых богомольцев. А как же их не засадить, когда они в трактире подрались и за бороды друг друга таскать стали? Егор объяснил, что, мол, из-за какой-то бабы, все беды только от них, от баб. Я поинтересовался, кто же тогда его самого вынашивал и рожал, но он, похоже, не понял. Корил меня за то, что я курю и наливками не брезгую. Вроде и правильный он человек, но невыносимый. Еле от него отделался. Пришел домой – конюх Игнашка пьяный валяется. Уволил к чертям собачьим. Теперь Дмитрий будет за лошадьми следить. Не уследит – тоже выгоню в шею.

30 сентября. Черт знает что такое. Следователя пока нет, а новый еще не прибыл. Между тем в реке возле мельницы – моей мельницы, черт побери! – нашли труп. Делать нечего, потащился на вскрытие с доктором Станицыным. Станицын как увидел тело, так ему и стало плохо. Еще бы, наш бонвиван и остряк не приучен смотреть на разложившуюся плоть. Вызвал вместо старого дурака земского врача Голованова. Тот и к оспе, и к тифу привычен. Барыньки местные от него шарахаются, потому что говорит он односложно и не желает с ними любезничать. Однако ж дело свое он знает, и слава богу. По его заключению, тело пролежало в воде около месяца, причем, судя по следам на ногах, к нему был привязан какой-то груз. Потом веревки от воды сгнили, груз оторвался, тело поднялось на поверхность и приплыло напрямик на мельницу. Кстати, мельник Петька был пьян, а когда узнал о происшедшем, только рассмеялся. Не нравится мне все это, честно говоря. Тем более что Петька – такой человек, который за целковый лучшего друга зарезать может. Личность тела (тьфу, окаянство!), личность трупа установить не удалось. Голова разбита, лицо сильно изуродовано, причем Голованов думает, что так сделано было нарочно, чтобы затруднить опознание. Ничего, если этого малого хоть кто-то где-то видел, мы все равно узнаем, кто он таков и откуда взялся. Пока начали дознание с Рябиновки, потому что она к мельнице ближе расположена.

2 октября. В Рябиновке никто ничего не знает. Принялся за Д. На неделе приезжает новый судебный следователь.

4 октября. И в Д. – никто не может ничего сказать. Мистика, тайны Эжена Сю. Велел посадить Петьку под замок.

5 октября. Гаврила Краснодеревщиков вспомнил, что Петька в начале сентября (то есть тогда примерно, когда был убит неизвестный) гулял в «Бель Вю» и был необычно оживлен, потому как разбил стекло и тотчас же заплатил за причиненные убытки. Гаврила потому его и запомнил, из-за стекла. Вызвал половых «Бель Вю» – подтвердили слова Гаврилы. Вот дело и разъяснилось. Петька, конечно, говорит, что под кустом нашел кошелек с деньгами, вот и решил гульнуть. Так я и поверил!

12 октября. Прибыл новый следователь, Чечевицын. Н-да-с... Прежде всего мягко распек меня за то, что я выполнял его обязанности. А кто-то должен же был их выполнять! Кстати, и делал я это лишь потому, что на меня их свалили! Потом следователь выслушал мою версию и объявил, что разберется. Ну, вроде ничего малый, разве что педант.

16 октября. Какой там педант – дурак, набитый идеями, как индейка яблоками. Его чувствительное сердце, видите ли, не может терпеть несправедливости. Коротко говоря, улик против Петьки нет, кутеж ничего не доказывает, и кошелек он вполне мог в самом деле найти. Я прямо-таки вскипел, слушая его ахиною. Оказывается, я должен сочувствовать Петьке, так как народ невежествен и угнетен, а несознательность масс и т. д. То, что он в свое время славно обобрал тестя, чтобы содрать с него побольше приданого, тоже, наверное, от невежества и несознательности. Тьфу! Мочи нет, как тошно.

20 октября. Петьку выпустили. Видел его – ухмыляющаяся рожа, и виновность на ней написана большими буквами. Постой, голубчик! Ты мог провести наивного идеалиста, который только что с университетской скамьи, но не меня, голубь, не меня!

1 ноября. Выгнал его к чертям собачьим с мельницы. Он пробовал протестовать, но мельница моя, что хочу, то и делаю. Уходил обозленный, поклялся отомстить.

8 ноября. Застрелили двух моих собак. Велел взять Петьку и посадить его. На допросе сразу же признался, что его рук дело. Бедные собаки! Они одни были умнее меня, потому как сразу же невзлюбили (*край листа оторван*). Конечно, я упрячу гаденыша под замок, но кто мне собак вернет?

4 марта. Взяли его с поличным, когда он ставил капканы в моем лесу. Снова упек в тюремный замок. Чечевицын явился ко мне и произнес длинную горячую речь о том, что я не желаю войти в положение забитого и бедного человека и т. д. Верно. Не желаю входить в положение мерзавца. Слишком много чести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.